

Изд: Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектанством. (К вопросу о веротерпимости). Москва, "Посредник", Серия "Для интеллигентных читателей", 1905.

От автора.

Статьи, вошедшие в эту брошюру, первоначально были напечатаны в газете "Право" за время 1902-1904 годы. В виду того, что вопрос, затронутый в этих статьях, не может не интересовать значительной части русского общества и народа, автор решил выпустить их отдельной брошюрой, имея в виду этим самым еще раз напомнить о печальной аномалии, уцелевшей в нашей жизни от далеких веков религиозной нетерпимости. За время появления наших статей, посвященных этому вопросу, состоялось весьма важное правительственное мероприятие, которое нельзя не приветствовать с полной искренностью и которое, без всякого сомнения, внесет отрадное чувство нравственной удовлетворенности в душу многих миллионов русских людей. Мы говорим о полном упразднении известной исторической тюрьмы, находившейся в Соловецком монастыре. Упразднение это состоялось осенью прошлого 1903 года. Обстоятельство это дает основание и право надеяться, что та же самая участь ожидает -- быть может, даже в самом непродолжительном времени и все остальные тюрьмы, которые до сих пор еще, к сожалению, уцелели в некоторых, весьма немногих, монастырях. Подобная мера явилась бы первым поучительным шагом по пути осуществления тех заветов веротерпимости, которые столь торжественно были провозглашены в памятном всем манифесте 26 февраля 1903 года. *С.-Петербург, 22 мая 1904 г.*

Монастырские тюрьмы и монастырские узники.

I.

От далекой, седой старины, от нашего исторического прошлого мы унаследовали немало печального и тяжелого в разных областях государственной, церковной и народно общественной жизни. Но едва ли не больше всего мрачных пережитков старины сохраняется у нас в той именно области, которая по своему существу, по своему внутреннему характеру должна быть совершенно свободна от всего, что только носит на себе печать жестокости и насилия. Мы разумеем область веры, область религиозных убеждений. На этот раз мы хотим напомнить здесь о печальной и мрачной аномалии, уцелевшей в нашей государственно-церковной жизни от далеких, давно прошедших веков религиозных гонений и нетерпимости. Мы хотим напомнить о судьбе, так называемых, монастырских узников, т. е. лиц, имевших несчастье за те или иные проступки или преступления против церкви и религии подвергнуться заключению в монастырской тюрьме. Как известно, такие тюрьмы с давних пор существовали при некоторых из наших монастырей. Особенно широкой известностью пользовалась в обществе тюрьма Соловецкого монастыря, куда в прежние времена ссылались не только религиозные, но и государственные преступники, которые по терминологии той эпохи величались "ворами и бунтовщиками". Ссылка в Соловецкий монастырь религиозных и государственных преступников широко практиковалась уже в половине XVI столетия, в царствование Иоанна Грозного. Затем, в течение XVII, XVIII и первой половины XIX столетия тюрьма Соловецкого монастыря нередко была переполнена заключенными. Вероятно, этим последним обстоятельством следует объяснить, что во второй половине XVIII столетия возникает новая монастырская тюрьма или крепость -- на этот раз в центре России, а именно в Спасо-Евфимиевом монастыре, находящемся в г. Суздаль, Владимирской губернии. Монастырь этот принадлежит к числу наиболее старинных русских монастырей. Он возник одновременно с Троицко-Сергиевой лаврой, 550 лет тому назад. Основателями его были преподобный Евфимий и великий князь Суздальский и Нижегородский Борис Константинович. В былые времена монастырь этот много страдал от татарских нашествий и польских набегов. Это и заставило суздальских князей сколь возможно укрепить монастырь, сделать его недоступным для набегов. И вот, постепенно Спасо-Евфимиев монастырь обносится высокими, необыкновенно массивными стенами, башнями, "обзаводится пушками, пищалями, бердышами, воинской броней" и, таким образом, мало-помалу обращается в "колоссальную твердыню", в "грозную неприступную крепость", -- как говорится в описании этого монастыря 001. Местом ссылки и заточения Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь становится с 1766 года, со времени Высочайшего указа Екатерины II-й, в котором, между прочим, писалось: "сосланных из бывшей тайной канцелярии для исправления в уме в разные монастыри колодников, по именам десять человек, для лучшего за ними присмотра и сохранения их жизни, равно, чтобы от них какого, по безумию их, вреда кому учинено не было, свести из некоторых, состоящих в Московской губернии монастырей, в Спасо-Евфимиев монастырь, определяя для смотрения за ними воинскую команду от суздальской провинциальной канцелярии". Уведомляя об этом Высочайшем повелевши архимандрита Спасо-Евфимиевского монастыря Ефрема, Святейший Синод в свою очередь писал: ""А как де в оном монастыре первенствующая власть вы, архимандрит, то оную команду вручить в ваше ведомство, и притом

тебе рекомендовать, чтобы вы со своей стороны употребляли к исправлению тех колодников всевозможные старания; ибо де чрез то вы можете себя оказать по званию своему к сохранению жизни человеческой полезным". О приеме же означенных колодников, также, если и впредь по Высочайшему Её Императорского Величества соизволению таковые же присылаемы будут в оный монастырь и об отведении для их пребывания потребного числа покоев, так и о употреблении о сих безумных должного о исправлении их в уме попечения к тебе, архимандриту, из Святейшего Синода истребовать послушного указа". Вслед за приведенным Высочайшим повелением издана была особая инструкция обращения с колодниками, ссылаемыми в Спасо-Евфимиев монастырь. Инструкция эта была сообщена обер-прокурором Святейшего Синода генерал-квартирмейстером и кавалером князем Вяземским как суздальскому воеводе, так и о. архимандриту. Приводим содержание этой инструкции без всяких изменений: "Содержать оных безумных в отведенных от архимандрита порожних двух или трех покаях, однако не скованных, и иметь за ними присмотр такой, чтобы они себе и другим по безумию своему не могли учинить какого вреда, чего ради такого орудия, чем можно вред учините, отнюдь бы при них не было, так и писать им не давайте. Буде же бы который из них стал сумасбродничать, то в таком случае посадить такого одного в покой, не давая ему несколько времени пищи; а как усмирится, то тогда можно свести его по-прежнему с другими. Кой же смирен и сумасбродства не делают, таких пускать для слушания Божественного пения в церковь, однако под присмотром же караульных; при чем смотреть за ними того, чтобы они с постоявшими не вступали в непристойные разговоры, также бы не ушли из монастыря. Караульным с ними, сколько возможно, вступать без употребления строгости; а поелику они люди в уме поврежденные, то с ними обращаться с возможною по человечеству умеренностью. Буде же бы который из них стал произносить что важное, но как сие происходить будет от безумного, то оно не слушать и в донос о том не вступать, а только что произнесено будет рапортовать воеводе". Условием свободы от заключения полагалось только решительное оставление "сумасбродства" 002 . Вскоре вслед за этим в Спасо-Ефимиевом монастыре устраивается особое, так называемое, "арестантское отделение" или тюрьма. Целый угол монастыря, в котором помещалась эта тюрьма, отделяется особой массивной каменной стеной и получает название "крепости". В то же время цель и назначение этой крепости быстро изменяются: из места содержания безумных колодников она становится тюрьмой, в которую ссылаются лица, чем-либо провинившаяся против церкви и религии. День и ночь крепость на замке. Единственные ворота, которые ведут в нее, всегда оберегаются часовыми солдатами. Без особого разрешения или, как говорят здесь, без благословения отца архимандрита, который является в то же время и комендантом крепости никто не перешагнет за ее ворота.

II

Первые десять человек, попавшие в Суздальский монастырь в 1776 году, были следующие лица: драгун Никанор Рагозин, отставной капитан Иван Немчинов, прапорщик Коробков, фурьер Савва Петров, иеромонах Владимир Зеленский, попович Андрей Егоров, копиист Василий Щеглов, слуга князя Урусова, Михаил Васильев, крестьянин Иван Васильев и шатерный ставочник Василий Смагин. Следом за этими первыми невольниками идет длинный ряд лиц, который ссылались в монастырь или на житье в число братии, или же в качестве арестантов для заточения в монастырской тюрьме. Необходимо заметить, что первая группа составляла сравнительно незначительный процент общего числа лиц, сославшихся в Суздальский монастырь, и состояла, главным образом, из представителей белого и черного духовенства, в чем-нибудь провинившихся. В числе же "колодников" и "арестантов", заключенных в Суздальской монастырской тюрьме, были: офицеры, дворяне, чиновники, солдаты, крестьяне, купцы, мещане, однодворцы, канцеляристы, раскольники и сектанты, священники, монахи, архимандриты, диаконы, дьячки, послушники, причетники и т. д. За время с 1766 по 1902 год общее число заключенных в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре -- превышает 400 человек. Число это составляется из двух главных групп: из лиц духовного звания и лиц светских. К первой группе относятся: священники -- 108 человек, в том числе 5 протоиереев, 1 ключарь кафедрального собора и член духовной консистории; архимандриты и игумены -- 16 чел., монахи, иеромонахи и иеродиаконы -- 65 чел., диаконы -- 16 чел., дьячки, послушники, причетники и пономари -- 17 чел. Кроме того, в разное время в монастыре содержались: бакалавр Киевской духовной академии, псаломщик, попович и дьяческий сын. Ко второй группе принадлежат: офицеры, дворяне и чиновники -- 52 человека, в том числе: 1 генерал-майор, 2 барона, 1 граф и 2 князя; солдаты и нижние воинские чины -- 16 чел., крестьяне -- 51 чел., мещане -- 10 чел., купцы -- 3 чел., однодворцы -- 2 чел., канцеляристы, протоколисты и копиисты -- 6 чел., раскольнические наставники, попы и иноки -- 11 чел., раскольнические архиереи -- 4 чел., лиц неизвестного или неопределенного звания -- 8 чел. Кроме того: учитель, актер, кадет горного института, казак, полицейский надзиратель, шкипер и сапожник из Саратова. Затем, помимо всех этих лиц, в Суздальском монастыре были заключены: два румынских монаха, болгарский архимандрит, греко-католический священник, такой же инок и, наконец, какой-то француз Бардио и немец Крюгер. Последние двое были заключены в монастырскую тюрьму в январе 1773 года и пробыли в ней до самой смерти, последовавшей в октябре месяце 1791 г. Из общего числа заключенных на XVIII век (с 1766 по 1800 г.) приходится 62, а на XIX-й --

341 чел. Если мы это последнее число ссыльных разобьем по четвертям только -- что минувшего столетия, то получим следующие цифры: за время с 1 января 1800 года по 1 января 1825 года в Суздальский монастырь было сослано 55 человек; с 1 января 1825 года по 1 января 1850 г. было сослано 53 человека; с 1 января 1850 г. по 1 января 1875 г. -- 117 человек и, наконец, с 1 января 1875 г. по 1 января 1902 г. -- 116 человек. Предоставляя самим читателям делать выводы из этих цифр -- вполне точных, так как они составлены на основании подлинных архивных дел, мы, со своей стороны, считаем необходимым сделать при этом одну оговорку. Так как дела самого последнего времени не сданы еще в архивы, то поэтому относительно лиц, сосланных в Суздальский монастырь в последние годы, сведения наши имеют отчасти случайный характер, при чем очень возможно, что несколько человек из числа заключенных в монастырь лиц именно за эти годы и не вошли в наши сведения. Приняв во внимание это обстоятельство, мы в праве придти к заключению, -- во всяком случае, весьма неожиданному, а именно, что у нас в России применение давно отжившей, чисто средневековой формы наказания, какой, без сомнения, является монастырское заточение, достигнув в 50-х и 60-х годах прошлого столетия наибольшего развития, держится на том же уровне до самых последних дней. Так как необходимым и неперемным условием освобождения из монастырского заключения было полное раскаяние, "чистосердечное отречение" от всех "зablуждений" и еретичных мнений, то естественно, что люди, всецело убежденные в правоте своих взглядов, предпочитали лучше окончить свои дни в неволе, чем признать ложью то, во что они варили со всей страстью религиозного воодушевления. А так как в монастырские тюрьмы чаще всего попадали люди именно такого закала, то поэтому мы и видим, что лишь очень немногие из них получили свободу, большинство же оставалось там до конца жизни. Не даром монастырский сад, примыкающей к тюрьме и играющий роль "арестантского кладбища", усеян могилами бывших "колодников" и "арестантов". Среди множества могил прежних узников здесь сохранились лишь три-четыре могилы, между прочим, могилы князя Федора Петровича Шаховского и Владимира Николаевича Бантыш-Каменского. Умерших арестантов здесь обыкновенно хоронят в саду, -- без креста, без плиты, без всякой отметки или надписи, по которой близкие умершему люди могли бы найти могилу дорогого им человека. При похоронах же вожаков раскола и сектантства начальство употребляет все усилия для того, чтобы скрыть место их погребения и тем предупредить возможность паломничества со стороны их последователей и почитателей. В этих видах подобных лиц хоронят иногда вне монастыря, при чем сами похороны происходят тайно, рано утром, когда еще все спят; могила засыпается в уровень с поверхностью земли, без обычного возвышения, после чего закладывается дерном и, таким образом, тщательно устраняются всякие признаки, по которым можно было бы узнать о месте погребения. Так именно был похоронен, например, глава и основатель секты кавказских прыгунов казак Максим Рудометкин, умерший в монастырской тюрьме 13 мая 1877 года.

III.

В 1902 году в тюрьме Спасо-Евфимиева монастыря содержалось двенадцать человек заключенных, из коих некоторые находились здесь более 10-ти, 15-ти и даже 20-ти лет. Так, например, диакон Николай Иванович Добролюбов, из Нижегородской губернии, сидит в этой тюрьме уже 23 года. Но другие из заключенных присланы сюда лишь в самое недавнее время: так, крестьянин Самарской губернии Ермолай Федосеев попал сюда в 1900 году, а священник Герасим Иванович Цветков -- летом 1901 г. О причине заточения крестьянина Федосеева находим следующие сведения в отчете Самарского епархиального начальства за 1900г. По отношению к нераскаянным и зловредным еретикам и пропагаторам, епархиальное начальство прибегало к крайнему средству воздействия, ходатайствуя пред Св. Синодом об изъятии их из среды православной паствы чрез заключение в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. Так оно вынуждено было поступить с неким Ермолаем Федосеевым, который жил в пещере и своей лицемерной праведностью привлекал к себе массы простого народа". 003 О причине, вызвавшей заточение священника Тамбовской губернии Цветкова, было довольно подробно сообщено газетами со слов "С.-Петербургских Ведомостей". Судя по этим сведениям, священник -- Цветков был осужден высшим духовным начальством на заточение в Суздальском монастыре "за некоторые его взгляды, несогласные с теми, которые считаются господствующими в нашем духовенстве. Так, например, о. Цветков осуждал подчинение церкви светской власти в лице обер-прокурора Св. Синода, признавал необходимость скорейшего созыва вселенского собора для разрешения многих назревших вопросов в православной церкви, отвергал авторитет Св. Синода и т. п. В этом смысле он неоднократно подавал докладные записки обер-прокурору Св. Синода и многим высшим Иерархам русской церкви, последствием чего и было осуждение о. Цветкова на строгое содержание при монастыре впредь до раскаяния и исправления". Кроме священника Цветкова, диакона Добролюбова и крестьянина Федосеева, в суздальской крепости сидят в настоящее время еще два священника: Петр Рудаков и Гавриил Александрович Синцоров, а также один монах-иеродиакон Пимен из Молдавии, затем сектант крестьянин Владимирской губернии Аникий Антонович Уточкин, четыре сектанта, последователи секты еноховцев, присланные из Саратовской губернии, и, наконец, крестьянин Херсонской губернии, известный сектант Федор Ковалев, замуравивший заживо около 20 человек своих родственников и единомышленников во время всеобщей переписи, которую он считал делом антихриста. В 1901 году газетами было сообщено известие о том, что

Ковалев, по принятии им православия, был освобожден из монастырской тюрьмы. Сообщение это, как мы имели случай лично убедиться, не верно, так как Ковалев и до сих пор находится в тюрьме, хотя со времени своего присоединения к православию и пользуется некоторыми льготами, сравнительно с другими заключенными. Двое из еноховцев ведут себя очень буйно, называют архимандрита монастыря "антихристом", не исполняют требований караульных, а потому их держат постоянно, и день и ночь, взаперти под замком и никуда не выпускают из камеры. Судя по всему, эти еноховцы, несомненно, психически больные люди. Нередко по ночам они подходят к окнам и начинают издавать громкие, отчаянные крики и вопли, при чем можно бывает разобрать лишь отдельные слова и фразы, в роде: "Христос воскрес!" "Антихрист пришел!" "Иерусалим спустился на землю!" "Святая Троица!" и т. д. Вообще процент психических заболеваний среди монастырских узников огромный. Если бы психиатры получили возможность исследовать душевное состояние лиц, просидевших в монастырских! тюрьмах 10, 15, 30 лет, то можно быть уверенным в том, что среди этих несчастных они нашли бы очень немного лиц психически здоровых. При этом необходимо иметь в виду, что как, в прежнее время, так отчасти и теперь, в монастырские тюрьмы часто и охотно ссылаются именно такие лица, психическая деятельность которых более или менее нарушена и расстроена. Так, когда в 1829 году, сосланный в Красноярск декабрист, князь Ф. П. Шаховской заболел явным душевным расстройством, то его нашли нужным тогда же перевести в Суздальский монастырь, в тюрьме которого он и умер в тот же год. Множестве подобных примеров можно было бы привести также из истории Соловецкой тюрьмы. Конечно, и подлежит ни малейшему сомнению, что условия монастырского заключения ни в каком случае не могут быть признаны благоприятными для такого рода больных. Ссылке в монастыри за религиозные преступления подвергаются у нас не только мужчины, но и женщины. В двух женских монастырях г. Суздаля: Ризоположенском и Покровском, постоянно находятся женщины, сосланные туда за те или другие проступки против церкви, чаще же всего за распространение разного рода учений, несогласных с православием. И сейчас там находится несколько ссыльных женщин, между прочим, Настасья Кузьминична Шувина, в монашестве Мария, основательница известного Раковского монастыря в Самарской губернии. У себя на родине, в Самарской губернии, она пользовалась популярностью и доверием населения, благодаря чему ей и удалось учредить и организовать целый монастырь. Но местное духовенство заподозрило ее в принадлежности к хлыстовщине, вследствие чего начались доносы, возникло дело, и, в конце концов, она была сослана в г. Суздаль, в Покровский монастырь. Сосланные в монастыри женщины живут в особых кельях, под строгим надзором приставленных к ним монахинь, при чем им воспрещается выходить за ворота монастыря.

IV

В допетровское время право заточать в монастырские тюрьмы принадлежало, кроме царя, -- патриарху, митрополитам и даже архиереям. В XVIII столетии большое число арестантов ссылалось в монастыри сначала по распоряжению тайной розыскных дел канцелярии, а затем по резолюциям Святейшего Синода. С 1835 года ссылать в монастыри можно было не иначе, как только по Высочайшему повелению. 004 Такое распоряжение, как можно думать, явилось результатом ревизии Соловецкого острога, произведенной в том году по Высочайшему повелению, вследствие обнаружившихся в этом остроге беспорядков. 005 Ревизия, между прочим, обнаружила, что из 50-ти человек арестантов, которые сидели в этом, остроге, 41 человек были сосланы туда по Высочайшему повелению, а остальные 9 человек -- разными правительственными учреждениями: Святейшим Синодом, Комитетом Министров, Сенатом, Главным штабом и, наконец, один из арестантов -- "Лев Павлов -- за старообрядчество" -- прислана "по секретному отношению Архангельского губернского правления". Каким образом более чем скромное Архангельское губернское правление попало в число высших государственных учреждений, которые располагали если не *de jure*, то *defacto* правом заточать людей в монастыри -- остается совершенно неизвестным. Точно так же остается неизвестным, кто такой был Лев Павлов, которого Архангельское губернское правление сочло нужным подвергнуть ссылке в Соловки "за старообрядчество". В настоящее время ходатайства о ссылке и заключении в монастырь того или другого лица возбуждаются исключительно местными духовными властями, священниками и миссионерами, а затем уже через епархиальное начальство направляются в Святейший Синод. Если последний признает ходатайство епархиального начальства заслуживающим уважения, то г. обер-прокурор Синода входит с всеподданнейшим докладом по этому поводу. Что касается до условий содержания заключенных в монастырских тюрьмах, а также тех результатов и последствий, каше достигались и достигаются в настоящее время подобными заточениями в смысле исправления лиц, подвергшихся такому наказанию, то об этом мы подробно поговорим в следующих главах.

V

При ссылке и заточении в монастыри лиц, так или иначе провинившихся против церкви и религии, обыкновенно преследовались следующие три главные цели. Прежде всего, конечно, имелось в виду лишением свободы и строгостью ссылки или тюремного заключения наказать виновного или же только заподозренного в том или другом религиозном преступлении и проступке; затем -- лишить его возможности распространять свои заблуждения, пресечь в корне пропаганду идей и взглядов, которые с точки зрения церкви признавались

ложными, вредными и еретическими; и, наконец, исправить его, заставить его раскаяться в заблуждениях, по возможности привести его снова в лоно православной церкви. В грамотах и инструкциях, при которых присылались в монастыри ссыльные и арестанты, почти всегда с большей или меньшей определенностью указывались эти три главные цели ссылки и заточения -- так обыкновенно называлось заключение в монастырских тюрьмах. В то же время в этих грамотах и инструкциях заключались более или менее подробные наставления об условиях ссылки или заточения, о порядке содержания арестанта в тюрьме, о надзоре за ним, за его сношениями, за его перепиской и т. д. В виду этого знакомство с такого рода инструкциями и наставлениями, относящимися к разным эпохам нашего прошлого, представляется весьма интересным и во многих отношениях даже поучительным. Остановимся на некоторых из этих инструкции, наиболее типичных, при чем начнем свое знакомство с более отдаленных времен, а именно -- с глубоко знаменательной в истории русской церкви эпохи XVI столетия, когда состоялось закрепление тесного союза церкви с государством. 006 Одна из первых по времени известных нам грамот такого рода относится к мрачной эпохе Иоанна Грозного, а именно, к 1554 году и касается ссылки в Соловки игумена Троицкого монастыря Артема, обвиненного духовным собором в соучастии и единомыслии с известным "еретиком", рационалистом XVI века, Башкиным. В этой грамоте, писанной от имени митрополита Макария, подробно излагаются обвинения, взведенные на Артемия духовным собором, а затем преподаются наставления относительно содержания его в монастыре в следующих выражениях: "Пребывати же ему (т. е. Артемию) внутрь монастыря с великою крепостью и множайшим хранением, заключену ж ему быти в некоей келье молчательной, да яко и тамо душевредный и богохульный недуг от него ни на единого же да не распространится, и да не беседует ни с кем же, ни с церковными, ни с простыми того монастыря или иного монастыря мнихи". Далее, строго предписывалось не позволять ссыльному посылать, кому бы то ни было письма и послания, а также и ему передавать как письма, так и вещи, от кого бы то ни было; словом, предписывалось воспрещать ему всякие сношения, дружбу и сообщение с кем бы то ни было, "но точию затворену и заключену в молчании сидети и каяться о прелести еретичества своего, в неже впаде". 007 Таким образом, в этой грамоте не упоминается о заключении Артемия в монастырскую тюрьму, хотя в то же время предписывается содержать его со всевозможною строгостью и "крепостию". Из этого можно заключить, что в то время, а именно в половине XVI столетия, в Соловках не было еще тюрем. Встречающееся в грамоте выражение "келья молчательная", в которую предписывается заключить Артемия, не может быть понято в смысле тюремного каземата, тем более что несколько выше в грамоте сказано, чтобы содержать его "внутри монастыря". Мнение это находит себе подтверждение и в том обстоятельстве, что в грамотках более позднего времени -- при которых ссылались в монастыри колодники, -- мы встречаем уже вполне определенные и точные указания относительно заключения их в ту или другую монастырскую тюрьму или башню. Так, при ссылке в Соловки бывшего тамбовского епископа Игнатия в 1701 году в препроводительной грамоте писалось: "Посадить его (Игнатия) в Головленкову тюрьму; и быти ему в той тюрьме до кончины живота его неисходно, а пищу давать ему против таковых же подначальных. А чернил, бумаги ему, Ивашке давать отнюдь не велено, и ни от кого ему писем: не принимать и не отдавать, а также и от него ни к кому никаких писем не принимать же и не отдавать, а буде от кого какие письма явятся к нему, Ивашке, или от него, Ивашки, и те письма велено отсылать к Москве в Преображенский приказ". 008 В наше время трудно даже представить себе вес ужас колодников прежнего времени, томившихся в монастырских тюрьмах и башнях. Ни один из них не оставил нам описания своих страданий, своего мученичества. Почему не оставили -- понять не трудно. В инструкциях и указах, при которых они высылались, всегда и неизменно значилось, чтобы "бумаги, и чернил, и карандаша им колодникам, отнюдь не давать" и чтобы "никаких писем они колодники, ни под каким видом ни к кому не писали. Необходимо при этом иметь в виду, что в монастырские казематы попадали люди большею частью после пытки, нередко прямо из застенка. И вот, мученные разнообразными пытками, дыбам, избитые "нешадно" кнутами и батогами, с вырванными ноздрями, с отрезанными языками, они отвозились в Соловки или же в другие "дальние монастыри" и запирались там в сырые, темные, холодные погреба, называемые тюремными кельями. Здесь они обрекались на вечное одиночество, на вечное молчание, на нужду и горе. Казалось, что после ссылки о них совершенно забывали, их вычеркивали из списка живых людей. И действительно, чаще всего только смерть избавляла несчастных узников от дальнейших страданий, только могила успокаивала их измученные тела.

VI.

Самым тяжким наказанием считалось заключение в "земляных тюрьмах" или, правильнее говоря, в подземных. Такие тюрьмы существовали не только в Соловецком, но и в некоторых других монастырях. В Соловках подземные тюрьмы были устроены под одной из монастырских башен, находящейся в северо-западном углу крепости. Судя по старинным описаниям, земляные тюрьмы представляли собою вырытые в земле ямы в три аршина глубины; края у них были обложены кирпичом; крыша состояла из досок, на которые была насыпана земля. В крыше находилось небольшое отверстие, закрываемое дверью, запирающеюся на замок, в которое опускали и поднимали узника, а также подавали ему пищу. Для спанья пол устилался соломой. Для естественной нужды

подавались особые судна, которые подымались и очищались раз в сутки. Были ли в этих погребах печи -- осталось неизвестно. В этот темный, сырой погреб, вырытый в земле, опускали живого человека, часто скованного по рукам и ногам. В подобных тюрьмах во множестве водились крысы, которые нередко нападали на беззащитного узника; были случаи, кот да крысы обедали нос и уши у сидевших в подземной тюрьме "преступников". Давать им что-либо для защиты от этих мелких хищников строго воспрещалось. Виновные в нарушении этого правила наказывались чрезвычайно сурово. Так, например, один караульщик за то только, что он дал находившемуся в Соловецкой земляной тюрьме "вору и бунтовщику Ивашке Салтыкову" палку для обороны от крыс, был "за такую поблажку бит нещадно плетьюми". Изредка только, и при том далеко не всем, заключенным в земляных тюрьмах удавалось выходить на свет Божий и посещать церковь. Так, в одном наказе, относящемся к концу XVII столетия, предписывается арестанта, заключенного в земляную тюрьму, Мишку Амирева, во время церковного песнопения вынимать из тюрьмы, а по окончании службы снова сажать его туда. Заключение в подземные монастырские тюрьмы особенно широко применялось в царствование Петра I. Впрочем, необходимо заметить, что в некоторых монастырях заключение в подземные тюрьмы практиковалось и значительно позднее, а именно, второй половине XVIII столетия. Так, например, по словам В. И. Семецкого, в 1768 году подземную тюрьму, находившуюся в женском Ивановском монастыре, в Москве, была посажена по приговору суда известная Салтычиха, которая и просидела в этой тюрьме и лет. Чтобы составить себе хотя приблизительное понятие об условиях монастырского заточения прежнего времени, необходимо перечитать и пересмотреть так называемые секретные дела Преображенского приказа, канцелярии тайных розыскных дел и прочих аналогичных учреждены того времени, допросы, указы о ссылке, инструкции о содержании колодников в монастыре и т. п. Указы о ссылке и заточении того или другого лица обыкновенно посылались местному губернатору и в то же время архимандриту монастыря "с братиею". Выше мы упоминали, что при ссылке в Соловки игумена Артемия в указе митрополита Макария были подробно изложены все те обвинения, которые возведены были против него духовным собором и в силу которых он обречен был на заключение в монастырь. Но если в то время, в половине XVI века, считалось необходимым подробно мотивировать в указах причины, вызвавшие ссылку в монастырь того или другого лица, то впоследствии этот обычай был уже совершенно оставлен, и в указах XVII и XVIII столетий очень редко можно встретить сколько-нибудь подробные указания на то, в чем именно состояли преступления лица, подвергшегося столь суровому наказанию. Чаще же всего в такого рода указах писалось так: "за вину его" или "за многия его, колодника вины", вместо смертной казни, учинить казнь, "бить нещадно кнутом" или "вырезать язык" и "сослать в ссылку в Соловецкий монастырь, в заключена в Короженскую тюрьму вечно, и та казнь ему, колоднику, учинена и послан до Соловецкого монастыря с унтер-офицером таким-то и с солдаты" Если же иногда в указах и объяснялось, в чем состояла вина или преступление, вызвавшее ссылку, то обыкновенно объяснение это делалось в самых общих выражениях. Так, например, при ссылке в Соловки князя Ефима Мещерского, в указе, подписанном председателем канцелярии тайных розыскных дел, Петром Андреевичем Толстым, от 15 января 1722 года, велено его, Мещерского, "за показанныя от него противности благочестию, послать в Соловецкий монастырь, для содержания до кончины жизни его". Но в чем именно состояли эти "противности благочестию" со стороны опального князя, ни слова не сказано.

VII

За то во всех этих указах и инструкциях подробно излагаются правила о том, как содержать в монастыре колодников. В указах на имя архимандрита обыкновенно писалось: "а когда оный колодник в Соловецкий монастырь привезен будет, и ты б, богомолец наш, архимандрит (такой-то) с братиею, его, колодника, в Соловецкий монастырь приняли и посадили бы в Короженскую тюрьму вечно и велели держать его там безвыходно, чтоб он Колодник, из оной тюрьмы не ушел, и бумаги и чернил ему не давать; и ежели он, колодник, сидя в тюрьме, станет кричать и сказывать "собою наше государево слово и дело, и таких произносимых от него слов не слушать". Или же, например, в таком роде: "И состоять ему, колоднику, в крепкой тюрьме, под смотрением того монастыря архимандрита, а караульным унтер-офицеру и солдатам иметь крепкое и неусыпное над ним, колодником, смотрение и осторожность, чтоб при нем пера, чернил и бумаги отнюдь не было, и чтоб он ни с кем и ни о чем ни в какие разговоры не вступал и ничего бы непристойного не разглашал и не говорил, чего ради к нему не токмо из посторонних никого, но и из монастырской братии и служителей ни в келью, ниже во время слушания литургии и прочего церковного пения, ни для чего не допускать и разговаривать запрещать". 009 Особенное внимание при этом обращалось на то, чтобы колодники "ни с кем и никогда о вере никаких разговоров к большому вымышленной своей прелести и противных благочестию дерзостей размножению иметь не могли, но пребывали бы в покаянии и питаемы были хлебом слезным". Из всех этих наставлений, между прочим, нельзя не видеть, какие тяжелые обязанности возлагались в то время на архимандритов и монастырскую братию относительно надзора за лицами, обвиненными или же только заподозренными в преступлениях против веры и церкви и за это попавших в разряд колодников и арестантов. Необходимо, однако, заметить, что эти обязанности, столь несвойственные призванию и сану монаха и в частности архимандрита, к сожалению, и до сих пор лежат

еще на игуменах и настоятелях тех монастырей, в которые и по настоящее время производится еще ссылка разных лиц за религиозные преступления. Что касается продовольствия монастырских узников пищею, то и в этом отношении их далеко не баловали. Только в редких случаях разрешалось отпускать тому или другому колоднику пищу из братской трапезы; чаще же всего предписывалось: "пищу давать только хлеб да воду и подавать (их) в окно капралу". Затем строго воспрещалось иметь колодникам при себе деньги и какие бы то ни было вещи. Некоторых колодников не только запирали под замок, но еще запечатывали двери их тюремных келий особыми печатями, а для наблюдения за этим откомандировывались особые офицеры и солдаты. Вот отрывок из инструкции, данной одному из таких офицеров: "Когда он, колодник, посажен будет в тюрьму, тогда к нему приставить караул, и всегда бы с ружьями было по два человека на часах; один от гвардии, а другой из гарнизонных. Двери б были за замком и за твоею печатью, а у тюрьмы окошко было б малое, где пищу подавать; да и самому тебе в тюрьму к нему не ходить, нежели других кого допускать, и его, колодника, в церковь не допускать. А когда он (колодник) заболит и будет весьма близок к смерти, то по исповеди приобщить его св. тайн в тюрьме, где он содержится, и для того двери отпереть и распечатать, а по причащении, оные двери запереть и запечатать тебе своею печатью и приказать хранить накрепко, как в прежних указах объявлено"... 010 Вот уже поистине заживо погребенные! Все подобные наставления всегда и неизменно сопровождались и заканчивались угрозами, что за малейшее неисполнение инструкции и слабость надзора виновные в том будут немедленно подвергнуты "осуждению и истязанию" по всей строгости военных артикулов... Подобные угрозы не могли, конечно, не оказывать своего действия. Насколько строго выполнялись все эти указы и инструкции, можно видеть, между прочим, из следующего случая. Один из заточенных в Соловецком монастыре -- князь Василий Лукич Долгоруков -- тяжело заболел; ему понадобился духовник. Но так как в указе, при котором он был прислан, сказано было, чтобы "никого из посторонних к нему в келью не допускать", то поэтому ни архимандрит, ни караульный офицер не решились исполнить требования умирающего и кончили тем, что вошли по этому поводу с особым представлением в архангельскую губернскую канцелярию. Но в свою очередь и губернская канцелярия также не осмелилась удовлетворить просьбу больного узника и обратилась за разрешением этого вопроса в Сенат, который указом от 29 марта 1731 года предписал губернатору, в случае крайней необходимости, допустить отца духовного в келью князя Долгорукова. 011 Некоторые узники всю жизнь сидели скованными в цепях. Эти цепи снимались с них только после смерти... Страшное, кровавое время! Мрачным, но, к счастью, далеким призраком глядит оно на нас.

VIII

В виду того, что при описании условий ссылки и заточения в наших монастырях мы до сих пор главным образом основывались на сведениях и данных, относящихся лишь до Соловецкого и Суздальского Спасо-Евфимиевского монастырей, у читателя может явиться мысль, что только эти два монастыря и служили у нас местом ссылки и заточения. Но такое предположение совершенно не соответствовало бы истине, так как ссылка в монастыри в прежние времена производилась у нас на Руси в самых широких размерах и притом за самые разнообразные преступления. В XVI -- XVIII столетиях весьма многие из наших монастырей играли роль государственных тюрем для заключения в них всех наиболее важных преступников не только против церкви и религии, но и против государства и правительства, против общественной нравственности и т. д. При этом ссылка в монастыри, как известно, нередко сопровождалась насильным пострижением в монашество. Мера эта особенно часто практиковалась по отношению лиц, подвергшихся ссылке по мотивам политического или, вернее, династического характера. Обычай насильного пострижения перешел к нам, как и многие другие "лихие" обычаи, из Византии. Там часто против воли постригали тех лиц, которые, живя в миру, могли служить помехой чьим-либо целям. Императоры постригали в монастыри опасных им родственников и придворных, мужья постригали жен, успевших им надоесть или по той или другой причине ненужных им. "Насильно постригаемые, вынужденные перед лицом Бога отказаться от всех мирских притязаний, изгнанные из мира и лишённые светских прав, сходили, таким образом, навсегда и бесповоротно с дороги своих притеснителей. 012 У нас в России особенно охотно пользовались этим обычаем великие князья: Иван III, Василий Иванович, Иван Грозный, Борис Годунов и некоторые из последующих московских царей. Назовем здесь хотя некоторые из тех монастырей, которые -- помимо Соловецкого и Суздальского -- служили местом ссылки и заточения. Вот эти монастыри: Николаевский Корельский, Архангельской губ., Сийский, на Северной Двине, Спасо-Прилуцкий, близ Вологды, Новгород-Северский, Кирилло-Белозерский, Валаам, Спасо-Преображенский, в Старой Руссе, Юрьевский, близ Новгорода, Псковский, Свяжский, Казанской губернии, Далматовский Успенский, Пермской губ., Троицкий Селенгинский, близ Байкала, Вознесенский Иркутский, Успенский Нерчинский и т. д. Все это мужские монастыри. Женщины же ссылались главным образом в следующие женские монастыри: Покровский и Ризоположенский в г. Суздале, Владимирской губ., Далматовский Введенский Пермской губ., Кашинский, Тверской губ., Енисейский Рождественский, Иркутский Знаменский и друг. Условия ссылки и заточения во всех этих монастырях в прежнее время были почти те же самые что в Соловецком и Суздальском монастырях. Так, например, относительно

казанных нами выше сибирских монастырей сообщалось в печати) что в них "находились обширным тюрьмы", куда заточались раскольники и другие наиболее важные преступники, при чем очень многие из них присылались не только без объяснения того, в чем состояла их вина, но даже без обозначения их имени и фамилии. Таким образом, это были анонимные преступники. "Сосланные состояли на ответственности монастырских начальств, и настоятели по этому случаю имели переписку с воеводствами". Заключенные в этих монастырях арестанты содержались в отдельных казематах, или "каютах", и притом в "заклепных железах", т. е. закованными в цепи. Особенно были переполнены тюрьмы Троицкого Селенгинского монастыря. Одинаковые условия заточения вызывали среди узников, разумеется, и одинаковые последствия, а именно, преждевременную смерть и огромный процент душевных и психических заболеваний. "Много там (т. е. в Троицком Селенгинском монастыре) погубило людей, сосланных без показания их имени, -- говорит автор статьи: "Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц"; из отписок настоятелей монастыря видно, что время от времени они уведомляли начальство Селенгинского острога о смерти безымянных колодников. Мне попались в руки две бумаги, где в одной монастырское начальство доводит до сведения, что неизвестные два преступника от долгого сидения сошли с ума и вскоре потом умерли. Другая бумага такого содержания: по уничтожении тайной канцелярии, велено было начальству Селенгинского монастыря освободить всех своих заключенных, но при этом оказалось, что содержащиеся там колодники есть померли, остался налицо только один, бывший сибирского пехотного полка подпоручик Родион Ковалев, просидевший закованным в монастырской тюрьме, в одиночном заключении, более двадцати пяти лет. Когда выпустили из каюты (!) этого несчастного мученика, то он оказался совершенно сумасшедшим и почти ничего не говорил. По донесении настоятеля о таком состоянии Ковалева, этого страдальца велено было отдать на попечение родным, если таковые у него окажутся".⁰¹³ В той же статье находим некоторые сведения о женских монастырских тюрьмах. Оказывается, что в Енисейском Рождественском монастыре "было устроено особое тюремное отделение с железными решетками, для помещения преступниц женского пола". В прежнее время в этот монастырь ссылалось много женщин, часто без обозначения имен и фамилий. "Находились и такие заключенницы, которые, быв обречены вечному заточению, помещались в отдельных каютах (т. е. казематах), и их даже не велено было выпускать в храм Божий. Наказание ссылкой лиц женского пола имело различные степени: одних посылали на известный срок и потом возвращали, другие, напротив, важные преступницы погибали в монастырской тюрьме безвозвратно".⁰¹⁴ Необходимо заметить, что многие из перечисленных нами выше монастырей служили местом ссылки и заточения не только в прежние времена, но и в более близкую к нам эпоху, а именно, в течение только-то минувшего XIX столетия.

IX

Переходя к девятнадцатому веку, мы, разумеется, в праве ожидать, что этот прославленный век гуманности и стремлений к свободе неизбежно должен был если не окончательно сделать невозможным применение такой чисто средневековой формы наказания, какой является ссылка и заточение в монастыри, то, во всяком случае, должен был благоприятным образом отразиться на состоянии монастырских тюрем и условиях содержания в них узников. К сожалению, действительность не особенно-то оправдывает эти радужные, хотя и вполне законные, конечно, надежды: монастырские тюрьмы уцелели и не только уцелели, но, благополучно просуществовав еще целое столетие, столь же благополучно перешли и в XX век... Улучшились ли они теперь? Улучшилось ли положение лиц, обреченных на заключение в этих тюрьмах? Несомненно, по сравнению с XVII и первой половиной XVIII столетия, настоящее положение монастырских тюрем и условий заключения в них значительно изменилось к лучшему. Уже к началу XIX века были давно забыты чудовищные подземные тюрьмы, забыты "каменные мешки" в монастырских стенах и башнях, в которые замуравливали раскольников, сектантов и других "еретиков"; забыты плети, батоги и "нещадное битье" арестантов, сидевших в монастырских тюрьмах за разные их провинности. И, тем не менее, однако, даже сейчас, в наши дни, положение монастырских узников не может быть охарактеризовано иначе, как в высшей степени тягостным и ужасным -- в полном смысле этого слова. Но прежде чем говорить о настоящем состоянии монастырских тюрем, необходимо познакомиться, хотя в самых общих чертах, с условиями монастырских заточений, существовавшими как в первой половине XIX века, так и во второй, только-то пережитой нами. Это даст нам возможность судить о том, насколько медленно и с какими огромными затруднениями проникали и проникают в эту область всякого рода улучшения, имевшие целью облегчить тяжелое положение монастырских узников. Относительно содержания арестантов в Соловецкой монастырской тюрьме г. Колчин сообщает, что с начала XIX столетия "жизненная обстановка арестантов несколько улучшилась. Их стали помещать не в сырые, душные казематы, а в более сухие и светлые новые арестантские чуланы. Арестантов, коих не велено было держать в особом уединенном месте, запирали в чуланы только на ночь, а днем они свободно могли сходиться в коридорах и посещать друг друга". Но при этом необходимо, однако, иметь в виду что то или иное положение узников в монастырях если не всецело, то в весьма значительной степени зависело от личного усмотрения, от личных качеств отца-настоятеля. "Многое относительно строгости или слабости содержание арестантов, писал г. Колчин, -- зависело от настоятеля монастыря, который в Соловках был сам бог, сам царь при

добрый, гуманный настоятель арестантам жилось сносно: их водили в церковь по праздникам, сами они ходили за водой на канаву за пол версты от монастыря, попеременно ходили на монастырскую кухню за пищей, каждую неделю мылись в бане, прогулки тоже разрешались. Но все это дозволялось лишь зимою, когда в монастырь никого постороннего не бывает; летом арестантов ни в церковь, ни за водой, ни куда бы то ни было не выпускали; в баню все-таки водили ранним утром, когда еще народ спал". Так в первой половине XIX века жилось монастырским узникам при "добрых и гуманных" настоятелях. Но условия их заключения быстро и резко менялись, как только в должности настоятеля появлялся человек иного склада, иных воззрений. Так, например, в Соловецком монастыре "при настоятелях суровых, строгих положение арестантов делалось несносным: их томили в душных чуланах, не выпуская даже для естественной нужды, плохо кормили, жалобы на дурное обращение стражи, которая старалась подделаться тон начальству, оставались без всякого внимания, прогулки воспрещались".⁰¹⁵ Один из Соловецких узников, священник Лавровский, следующим образом описывает условия монастырского заточения при архимандрите Досифее Немчинове, в начале 30-х годов: "тюрьма Соловецкая при архимандрите Досифее была, действительно, несносным игом. В каждом чулане, всегда почти запертом, трех аршин длины, в два аршина с двумя или тремя вершками ширины, находилось по два арестанта; между двух коек был проход только для одного узника; рамы не имели форточек, отчего воздух стеснительный делался удушающим, и одно милосердие Божие спасало страдальцев. Для естественной нужды не дозволялось выходить в нужное место, куда однажды только в сутки выносили арестанты из чуланов свои судна ("параши") для очищения. Пища давалась убогая; арестанты восхищались от радости, когда им изредка приносим был мягкий хлеб. В продолжительные зимние ночи узникам не дозволялось при огне и поужинать; посему, держа только пред лицом ложку, оцупью употребляли они пищу. Но всех прискорбий тогдашнего содержания и объявить не можно".⁰¹⁶ Стоит только на минуту остановиться и вникнуть в это краткое и безыскусственное описание, чтобы представить себе то поистине ужасное существование, то мучительство, на которое обрекались в 30-ые годы несчастные арестанты монастырского острога. Между тем, именно, в 30-ые-то годы ссылка в монастырские тюрьмы была особенно в ходу. Вообще император Николай Павлович был большой сторонник этой меры, и она, действительно, очень широко применялась в течение всего его царствования. Он ссылал в монастыри не только религиозных преступников, но и политических; так, между прочим, при нем были сосланы в Соловки в 1828 году студенты Московского университета Николай Попов и Михаил Критский, как "изобличенные в соучастии в злоумышленном обществе" (по делу декабристов). Значительно позднее, а именно в 1850 году в Соловецкую тюрьму был сослан бывший студент из полтавских дворян Георгий Андрузский "за вредный образ мыслей и злонамеренные сочинения". Ссылка в Соловки одно время угрожала даже нашему великому поэту А. С. Пушкину. Его известная "Ода вольности" и тот факт, что Пушкин открыто показывал своим соседям в театре портрет Лувеля, убийцы герцога Беррийского, вызвали против него преследования администрации. Пушкину грозило предание суду и ссылка в Соловецкий монастырь или в Сибирь. Благодаря энергичным хлопотам его друзей, страшная опасность, угрожавшая поэту, к великому счастью России -- миновала, и вместо Соловок он попал в Екатеринослав. А. С. Пушкин был не единственным представителем литературы, которому угрожало заточение в монастыре. Значительно позднее, а именно в начале 60-х годов, к ссылке в Соловецкий монастырь был приговорен известный; писатель Аф. Прох. Щапов за устройство им панихиды по Петрове, вызвавшем крестьянские волнения в селе Бездне, Казанской губернии. Биограф Щапова, профессор Н. Я. Аристов, сообщает, что "когда кончилось следствие над студентами Казанской духовной академии (принимавшими участие в панихиде) и многим из них было определено наказание, тогда Св. Синод приговорил и Щапова, как принадлежащего к духовному ведомству и виновника панихиды, сослать в Соловецкий монастырь на смирение."⁰¹⁷ По словам Аристова, "пришлось много хлопотать, чтобы синодское определение не приводилось в исполнение, а Щапову оно доставило сильные неприятности, и он сгоряча совсем было написал и подал прошение, чтобы его сослали лучше в Сибирь, а не в заточение на Соловецком "отоке океана-моря". Некоторые из высокопоставленных лиц приняли участие в Щапове и доказали, что он, как прощенный государем императором, уже не подлежит суду духовного начальства".⁰¹⁸ Но если Щапову, благодаря ходатайствам влиятельных лиц, удалось избежать Соловецкой тюрьмы, то другой наиболее активный участник этой истории, священник Яхонтов, совершавший панихиду по Антоне Петрове, жестоко поплатился за это: по решению Св. Синода он был сослан в Соловецкий монастырь. Ссылка эта отразилась на нем крайне печально: Яхонтов заболел психическим расстройством. Впоследствии, оправившись от болезни, он поступил в монахи Соловецкого монастыря, а затем был послан в Сибирь в качестве миссионера.

Х

Инструкции 20-х и 30-х годов, определявшие условия содержания в монастырской тюрьме и порядок надзора за арестантами, отличаются большою строгостью. В случаях более важных составлялись даже две инструкции: одна -- гражданским начальством, Министерством Внутренних Дел, другая -- духовным ведомством. При ссылке, например, в 1820 году в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь основателя скопческой секты, знаменитого

Кондратия Селиванова, кроме инструкции, данной архимандриту этого монастыря министром внутренних дел графом В. П. Кочубеем, была прислана еще особая инструкция, не только составленная лично Михаилом, митрополитом Новгородским и С.-Петербургским, но и им собственноручно переписанная. Эти инструкции, главным образом, настаивали на соблюдении следующих четырех пунктов 1) чтобы арестант ни с кем не имел никаких сношений, кроме тех лиц, коих из числа монашествующих архимандрит назначит для увещания его и спасительной для него беседы; 2) чтобы не было доставляемо к нему ни писем, ни посылок, ни подаваний; он должен быть удален от всякого сношения с людьми посторонними; 3) что бы всемерно сокрыто было и нахождение его монастыре, и, наконец, в 4) чтобы вся переписка по этому делу сохранялась в строгой тайне. Исполняя требования инструкции, владимирский губернатор писал архимандриту, что он с своей стороны считает необходимым, "дабы к отклонению самомаleastших поползновений единомышленников сего арестанта в сообщении с ним, место в котором он содержится, охраняемо было караулом внутренней стражи по крайней мере из четырех человек; о точном и безостановочном исполнении по сему случаю всех требований ваших дано с сим вместе начальнику Суздальской инвалидной команды строгое предписание". Вместе с этим губернатор просит архимандрита по истечении каждого месяца уведомлять его, "в каком будет находиться положении здоровья арестант, об его образе мыслей и жизни, а также не замечено ли будет со стороны единомышленников его каких-либо происков и покушений на счет открытия место пребывания его или сообщения с ним". Только одного человека разрешено было посвятить в тайну относительно заключения Селиванова, а именно, суздальского городничего Макова, которому, -- писал губернатор архимандриту -- вменено в обязанность наблюдать секретнейшим образом за движениями единомышленников арестанта, в ведомстве вашем состоящего, за приездом их и прочем, сноситься обо всем лично с вашим высокоблагословением и исполнять в случае надобности требования ваши". В видах соблюдения большей тайны, воспрещено было употреблять в переписке самое имя "секрет, наго арестанта", т. е. Селиванова, а предписано было называть его не иначе, как "стариком, начальником секты скопцов". Находящееся в монастырском архиве дело о Селиванове озаглавлено так: "Секретное дело о старике, начальнике секты скопцов, по имени неизвестном, присланном при отношении графа Кочубея 17 июля 1820 года". Однако, все эти меры, как можно видеть из подлинного дела, совсем не достигли своей цели: о заточении Селиванова в Суздальском монастыре вскоре же узнали его последователи, а затем и все интересовавшиеся его судьбой. Точно так же не помогли и все строгости надзора и караула: сидя в одиночном заключении, Селиванов сумел войти в сношение со своими сторонниками. Царивший в то время граф Аракчеев являлся большим сторонником системы монастырских заточений, поэтому во все время его могущества ссылка в монастыри, так называемых, "религиозных преступников" применялась в широких размерах, несмотря на мягкое и гуманное отношение Александра I. Между прочим, под влиянием жестокого временщика, были заточены в монастыри известные мистики того времени, помещики Рязанской губернии: А. П. Дубовицкий и Л. М. Гагин -- первый в Кирилло-Белозерский, а второй -- в Валаамов монастырь. 019 В тридцатых годах сторонником той же системы наказания за религиозные проступки и исправления от религиозных заблуждений путем ссылки монастыри являлся, между прочим, начальник штаба корпуса жандармов, известный генерал Дубельт. По его инициативе начаты были гонения против членов религиозного "союза братства", во главе которого стояла Е. Ф. Татаринова, урожденная баронесса Буксгевден. Возбужденное Дубельтом дело об этом "союзе" закончилось целым рядом монастырских заточений. Сама Татаринова вместе со своей воспитанницей Васильевой была сослана в Кашинский женский монастырь, Тверской губернии; тайный советник Попов сослан в Казанский Зилантов монастырь, где он и умер; статский советник Пилецкий -- в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь; титулярный советник Федоров -- в Юрьевский монастырь, а жена его -- в Святодухов монастырь, Новгородской епархии, и т. д.

XI

Как в прежнее далекое от нас время, так и теперь в наши дни при ссылке и заточении в монастыри совсем не указывается срока, на который то или другое лицо подвергается этому наказанию. В указах и постановлениях, при которых ссылаются в монастыри эти лица, обыкновенно предписывается только содержать их в тюрьме "впредь до раскаяния" или же "впредь до исправления", иногда же просто -- "для смирения", без всякого указания срока. Эта бессрочность ссылки и тюремного заключения всего более, конечно, отягчает и без того высшей степени печальное положение монастырских узников и ссыльных. Чтобы дать представление о том, насколько продолжительно бывает заключение в монастырских тюрьмах, мы приведем здесь несколько данных, в точности которых невозможно сомневаться. В "Русской Старине" г. Колчиным был, между прочим, напечатан список всех арестантов, Сидевших в Соловецкой тюрьме в Июле месяце 1855 года. Список этот был составлен архимандритом монастыря Александром, по требованию обер-прокурора Св. Синода, тайного советника А. И. Карасевского. В этом списке значится 19 человек арестантов, из которых некоторые сидели в тюрьме -- страшно сказать -- 20, 30, 40, 50, 60 лет и даже более! Так, например, бывший игумен Селенгинского монастыря Израиль, лишенный игуменства, священства и монашества за основание новой секты и "прочие богопротивные действия", сидел в тюрьме 21 год. Крестьянин Калужской губернии помещика Дурново Степан Сергеев "за крещение себя старообрядчески двуперстным сложением и рассказы нелепостей, происходящих от религиозного исступления", сидел в тюрьме 25 лет. Крестьянин Саратовской губернии, Аткарского уезда, Егор Афанасьев "за неисполнение им духовной эпитимии (наложенной на него), за убиение малолетнего своего сына и отступление от православия в раскол" сидел в тюрьме 29 лет. Петербургский мещанин Семен Кононов "за обращение к скопческой секте и закоснение в пагубных заблуждениях" сидел в тюрьме 33 года. Крестьянин графа Головкина Антон Дмитриев оскотление себя и распространение этой секты" в тюрьме 37 лет. Крестьянин Вятской губернии Семен Шубин, сосланный "по Высочайшей конфирмации, последовавшей на решение Правительствующего сената за старообрядчество и произнесение на св. церковь и св. дары богохульных слов" сидел в тюрьме 43 года. В момент составления списка -- в Июле 1855 года -- ему было 88 лет отроду. Легко представить себе то состояние, в котором находились арестанты, просидевшие в монастырской тюрьме 30, 40 лет и более. Крайне интересны -- несмотря на всю их краткость и отрывочность, те отзывы и характеристики, которые дает о. архимандрит в своем списке о каждом из арестантов. Привожу здесь некоторые из этих отзывов. О крестьянине Семене Шубине, просидевшем 43 года в тюрьме, он пишет: "Срок заключения не назначен. От старости лет не выходить никуда из кельи, большею частью лежит в постели; в баню возят на лошади. Малограмотен и книг не читает, роме собственной псалтыри; в церковь никогда не ходит по ненависти к ней. Одержим давнею грыжею, без врачевания ее, по неимению здесь ни медиков, ни лекарств. Понятия от невежества тупого, рассудком здоров. Увещания при всяком случае делаются, но он, состарившись в ереси, не принимает их и безнадежен к раскаянию; нрава ропотливого и сварливого. По укоренению в ереси за старостью должен оставаться в теперешнем го положении". Последний вывод о. архимандрита является, без сомнения довольно неожиданным, так как после сделанной им характеристики Шубина, как невежественного, тупого человека и к тому же престарелого, больного, почти умирающего -- можно было ожидать, что о. настоятель решительно выскажется за немедленное освобождение из тюрьмы этого несчастного 90-летнего старика, стоящего одной ногой в могиле и уж ни в каком случае не могущего, конечно, быть опасным для православной церкви и религии. О крестьянине Антоне Дмитриеве, просидевшем в тюрьме 37 лет, о. архимандрит пишет: Отроду имеет 81 год. Заключение навсегда. Выпускается из кельи для прогулки в коридоре, а летом на дворе арестантском. Неграмотен и книги слушает только при чтении другими, в церковь Божью не ходит. Понятий скрытных, рассудком здоров. Увещания делаются, но им не принимаются, и без надежен к раскаянию; ведет себя смиренно. По его ереси (скопческой), опасной другим, должен оставаться в заключении". В таком приблизительно роде делаются характеристики и заключения относительно большей части арестантов, содержащихся в монастырской тюрьме. Только для очень немногих из них о. архимандрит находит возможным допустить некоторые облегчения. Так, например, относительно губернского секретаря Иосифа Дыбовского, католика, сосланного в монастырь "за дерзость и богохульство" архимандрит пишет: "Понятия хорошего, но прельщен своим лжемудрованием, кажется, от болезненного состояния, которому в Соловецкой обители не пособить. Увещания делаются с напоминаем его латинской религии, но не действуют на него, называет себя веры еврейско-христианской, иконы в свою комнату не принимает, на верность подданства присяги не захотел выполнить. Характера раздражительного, вспыльчивого и ожидает каких-то событий по своим таинственным замечаниям от болезненного состояния. Если бы правительство учинило распоряжение о переводе его в монастырь католический или в город, где есть католический священник, то его скорее можно бы привести в нравственное и физическое состояние и полный рассудок, а в настоящем теперешнем заключении не можно врачевать его духовно; он заслуживает снисхождения на перемещение и облегчение его участи". Некоторые арестанты, из числа занесенных в список, были заключены, подобно Антону Дмитриеву, навсегда. Таких мы насчитали 8 человек,

из числа 19, сидевших в Соловецкой тюрьме летом 1855 года. Таким образом, эти 8 человек, осужденные на пожизненное заключение, тем самым обречены были на смерть в стенах монастырского острога. Однако, и здесь бывали исключения, хотя и крайне редкие: некоторые из лиц, осужденных на вечное пожизненное заключение, иногда получали свободу ранее смерти. Обыкновенно это происходило так: при посещении монастыря каким-нибудь видным администратором или другим высокопоставленным лицом последний вдруг узнавал, что в числе арестантов, содержащихся в монастырской тюрьме, находится человек, просидевший там 50 или 60 лет. Такое сообщение не может, разумеется, не произвести сильного впечатления, и вот высокопоставленный посетитель спешит возбудить переписку о необходимости освобождения старика-узника, забытого в монастырском остроге. Иногда эти представления имели благоприятный исход, и узник получал свободу. Справедливость требует заметить, однако, что бывали случаи, и даже нередко, когда эта свобода приходила слишком поздно: арестант, изживший всю свою жизнь в стенах тюрьмы, не имел уже сил воспользоваться свободой, которую возвращали ему накануне его смерти. Такой именно случай был, например, с только-то упомянутым нами арестантом Антоном Дмитриевым. Необычайно печальна была судьба этого человека: ему пришлось просидеть в одиночном заключении Соловецкого каземата целых 65 лет! Ему было уже около 90 лет отроду, когда вдруг настоятель монастыря объявил ему, что он свободен, что он может покинуть, наконец, мрачную тюрьму, в которой была похоронена почти вся его жизнь, может отправиться теперь на все четыре стороны... Несчастный старик заявил, что идти ему теперь уже некуда и не к кому, так как все связи с родиной и родными давным-давно утрачены и что он не хочет выйти из тюрьмы. Тогда ему было великодушно разрешено "доживать свой век в тюрьме не в роде арестанта". Он умер в 1880 году, "не раскаявшись в своих заблуждениях". Лиц, сосланных без обозначены срока, "впредь до исправления", в списке арестантов 1855 года значится и человек. Из них Семен Шубин, например, пробыл в монастырском остроге 63 года, так как до самой смерти оставался "непоколебимым в своих заблуждениях". Умер он в 1875 году имея отроду 89 лет; последние три года -- не в состоянии был ходить.020 Здесь излишне будет сделать оговорку, что далеко, конечно, не все арестанты монастырских тюрем достигали такой глубокой старости, как Антон Дмитриев и Семен Шубин. Наоборот, многие из заключенных умирали в тюрьме по прошествии самого короткого времени после заключения. Так, например, коллежский советник Бантыш-Каменский, заключенный в Суздальскую монастырскую тюрьму 29 декабря 1828 года, прожил в ней менее месяца и умер 22 января 1829 года. Московский мещанин Федор Жигарев, заключенный за раскол в ту же тюрьму 2 ноября 1856 года, прожил в ней только 25 дней и умер 27 числа того же ноября Декабрист князь Ф. П. Шаховской, привезенный в ту же тюрьму 3 февраля 1829 года, умер 24 мая того же года и т. д.021 Есть много оснований думать, что первое впечатление, производимое монастырскими тюрьмами на лиц, которые туда заключались, было всегда очень сильное, доходившее иногда до отчаяния. Когда штабс-капитана Щеголева, сосланного в Соловки 1 1826 году за какое-то "духовное преступление", привели в каземат, то он пришел от него в такой ужас, что тотчас же "с гневом объявил Караульному офицеру, что если его долго будут держать тут, то он разобьет себе голову об стену"...

XII

Но особенно тяжело было положение в монастырских тюрьмах людей, страдавших душевным расстройством. Между тем больных этого рода, особенно в прежние времена, в наших монастырях было очень много. Обстоятельство это объясняется, главным образом, двумя причинами: во-первых, тем, что в прежнее, дореформенное время, при полном отсутствии тогда специальных учреждений для такого рода больных, наши монастыри до известной степени играли роль приютов для душевнобольных людей, и туда очень часто заключались -- нередко даже на всю жизнь -- люди, совершившие в состоянии сумасшествия то или иное преступление. С другой стороны, крайне тягостные условия одиночного заключения в монастырских тюрьмах не могли, конечно, не вызывать расстройства душевной деятельности и у вполне здоровых лиц, попадавших в эти тюрьмы и просидевших в них долгие годы нередко целые десятки лет. Выше мы уже упоминали, что процент психических заболеваний среди монастырских узников огромный. В числе 50 человек арестантов, содержащихся в тюрьме Соловецкого монастыря в 1835 году, было много лиц, несомненно страдавших душевным расстройством в большей или меньшей степени. На это, между прочим, указывают как самый характер преступлений, совершенных такого рода лицами, так и те отзывы и характеристики, которые делало о них монастырское начальство. Так, например, один крестьянин, раскольник Степан Сергеев сослан "за рассказы нелепостей от религиозного испуга". Но кроме такого рода субъектов, о ненормальном душевном состоянии которых можно только догадываться, среди арестантов Соловецкого острога оказалось 5 человек, страдавших явно и резко выраженным психическим расстройством в сильнейшей степени. Мастеровой модиковского (?) чугунного завода Петр Потапов был прислан в Соловки в 1828 году "на вечное содержите за убийство в припадке сумасшествия отца своего Потапа и жены его Прасковьи". Против имени этого арестанта монастырское начальство в 1835 году делает такую отметку: "находится в высшей степени сумасшествия, о коем представлено в Св. Синод об отсылке куда следует для лечения". Еще в более ужасном положении находился психически больной арестант Федор Рабочий,

военный поселянин, Псковского округа, присланный в Соловки в 1830 году "для покаяния на всю жизнь за убийство им в скрытном сумасшествии трех своих дочерей и родного брата, а также за покушение произвести многие (другие) убийства". В отметке монастырского начальства против этого арестанта значится: "находится ныне в сильном сумасшествии, даже помет свой употребляет с пищею. Представлено о нем Св. Синоду для отсылки куда следует". Наконец, в числе душевнобольных арестантов монастыря оказался и поручик Горожанский, который, сидя в Соловецкой тюрьме в 1833 году зарезал в припадке сумасшествия часового солдата. Убийство это обратило на себя внимание правительственных сфер, вследствие чего по Высочайшему повелению назначена была ревизия Соловецкого острога, обнаружившая не мало разного рода стеснений, которым совершенно незаслуженно подвергались заключенные, и указавшая на невозможное положение в монастырской тюрьме психически больных людей. Тяжелое, гнетущее впечатление производят эти краткие, но в то же время вопиющие сведения о положении душевнобольных людей, томившихся в монастырских "казематах" и "чуланах" в течение долгих лет решительно без всякой помощи, без всякого ухода. Но при оценке этого рода фактов не следует, однако, забывать общих условий того времени, не следует забывать, что внимательное и гуманное отношение со стороны правительственных сфер к душевнобольным, совершившим те или другие преступления, является результатом сравнительно недавней эпохи и должно быть приписано главным образом влиянию нашего нового, гласного суда. Впрочем, необходимо указать, что в Соловецкой тюрьме всякого рода больные арестанты совершенно лишены были медицинской помощи. "На случай заболевающих, врачевания им здесь не бывает по неимению ни медиков, ни лекарств, -- доносил архимандрит Александр в 1855 году обер-прокурору Св. Синода, но если впадал кто в сумасшествие, такие отправлялись с разрешения высшего начальства в назначенные гражданские больницы для излечения".⁰²² Однако, следует сказать, что такие отправки в больницы допускались лишь в весьма редких, исключительных случаях, и чтобы получить разрешение начальства на такую отставку нужен был не один год переписки и разной канцелярской волокиты.

XIII

До сих пор мы говорили о положении монастырских узников, главным образом, в первой половине XIX столетия и в самом начале 50-х годов. Переходя, затем, к концу 50-х годов, а также к 60-м и 70-м годам, мы, к сожалению, принуждены констатировать, что известные либеральные влияния, которыми отмечена только что названная эпоха и которым Россия обязана целым рядом крупных благотворительных реформ, не внесли, к сожалению, хотя сколько-нибудь существенного улучшения в положении лиц, подвергшихся ссылке и заточению в монастырские тюрьмы. Так как, с другой стороны, за указанный период времени наше законодательство, регулирующее проявления религиозной и духовной жизни русского народа, осталось без всяких существенных изменений, то понятно, что общественные условия, среди которых приходилось жить миллионам наших старообрядцев и сектантов, точно так же остались прежние, дореформенные. Благодаря этому, мы видим, как в самый разгар либеральных веяний происходит постоянные стеснения и преследования сектантов и старообрядцев разных толков. И хотя эти преследования не имели уже того определенного и систематического характера, каким они отличались в царствование государя Николая Павловича, тем не менее, аресты, ссылки и заточения в монастыри сектантских наставников и руководителей, а также священников и епископов старообрядческой Иерархии -- происходили слишком часто. Чтобы избежать обвинений в голословности, считаем необходимым привести здесь несколько фактов. В 1854-г. в Суздальскую монастырскую тюрьму были заключены "пойманные в турецких владениях" старообрядцы: архиепископ Аркадий, епископ Алимпий и священник Ф. Семенов. В 1859 году в ту же тюрьму был заключен "пойманный в Киевской губернии" старообрядческий епископ Конон. В том же году возникло дело об основании на Урале особой секты, получившей название "Десного Братства". По этому делу были заключены сначала в Екатеринбургскую тюрьму, а затем в Петропавловскую крепость: основатель секты, сотрудник журнала "Маяк", капитан артиллерии Н. С. Ильин и его последователи -- чиновники горного правления, коллежский асессор Будрин, титулярный советник Протопопов, подпоручик корпуса лесничих Лалетин, а также жены Будрина и Лалетина. Будрин, больной чахоткой, не вынес заключения и умер в тюрьме. Его жена была сослана в Новгородский Свято-Духов женский монастырь. Лалетин в 1859 г -- был сослан в Свияжский монастырь, где он и умер после десятилетнего заточения. Ильин в то же время был отправлен в Соловецкую тюрьму, в строгое одиночное заключение, в котором он пробыл до осени 1873 г-В этот год, по усиленному ходатайству дочерей Ильина облегчить его участь, он был переведен из Соловков в Суздальскую монастырскую тюрьму, которой и находился до 18 Июля 1879 года -- Продолжительное заключение вызвало в нем сильное Душевное расстройство, вследствие чего он, по просьбе родственников, был освобожден из тюрьмы, но затем сослан "под строжайший надзор полиции" в местечко Поланген, Курляндской губ. В 1860 году в Соловецкую тюрьму был заключен казак Максим Рудометкин за основание им на Кавказе секты прыгунов; в 1869 году Рудометкин "с целью прекращения ему возможности вести переписку с его единомышленниками на Кавказе" был переведен из Соловков в Суздальскую монастырскую тюрьму, где он и умер в 1877 году "от апоплексического удара", как доносил о. настоятель. В 1863 году в Суздальскую тюрьму был заключен старообрядческий епископ Геннадий, просидевший

там до 1881 года. В 1865 г. в ту же тюрьму был заключен священник П. Ф. Золотницкий за уход к раскольникам -- беглопоповцам; в 1866 г. в Соловецкий острог был заключен известный сектант Андриан Пушкин и т. д.

Относительно срока заключения в монастырские тюрьмы в течение 50 -- 70-х годов необходимо признать, что он по-прежнему поражает необыкновенно продолжительностью. Так, например, только -- что названные нами лица находились в заключении: казак Рудометкин -- 17 лет, старообрядческий епископ Геннадий -- 18 лет, капитан артиллерии Ильин -- 20 лет, старообрядческий епископ Конон -- 22 года, архиепископ Аркадий -- 27 лет 023, священник П. Ф. Золотницкий -- 32 года. Последний был освобожден только в 1897 г. Точно так же 32 года провел в Суздальской монастырской тюрьме греко-католический священник Иосиф Анчевский, который и умер в этой тюрьме в 1877 году. Что касается остальных условий монастырского заключения, помимо срока, то следует установить, что в течение 60 и 70-х годов эти условия очень мало отличались от тех, которые окружали монастырских узников в 20 и 30-х годах и о которых мы говорили выше. В доказательство этого приведем здесь извлечение из инструкции, при которой были сосланы в монастыри некоторые из лиц, только что упомянутые нами, а именно старообрядческие: архиереи Аркадий и Алимпий и священник Федор Семенов. Епископ владимирский Иустин писал архимандриту Спасо-Евфимиевского монастыря Амвросию "1) по доставлении к вам через гражданское правительтельство означенных лиц, заключить их при арестантском отделении в особые для каждого комнаты (слово "каземат" исчезает) и о времени доставления их к вам и заключения донести мне, 2) иметь за ними строжайший надзор, с прекращением им всякой возможности сношения между собою и с раскольниками и вообще с кем-либо из посторонних лиц, и с принятием со стороны вашей всех мер духовного вразумления к разъяснению их заблуждений и к склонению их к открытию всего им известного касательно заграничных лже-кафедр и сношений с нашими раскольниками; 3) о последствиях вашего вразумления и надзора доносить мне по прошествии каждого месяца или и ранее, как скоро представится в том необходимость; 4) имен их и мнимых званий никому не объявлять, а называть их и писать в бумагах просто арестантами под NN 1, 2 и 3-м, по порядку, в каком они написаны в указе Святейшего Синода, именно: Аркадий -- под N 1-м, Алимпия под N 2-м и Семенова -- под N 3-м". 024

Независимо от подобного рода инструкции, как гражданское, так и духовное начальство пользуется каждым подходящим случаем, чтобы подтвердить местному архиерею и архимандриту монастыря о необходимости усиления надзора за арестантами, содержащимися в монастырской тюрьме. Особенно строгое внимание обращается при этом на переписку заключенных, которая обыкновенно разрешается крайне неохотно и при том не иначе, как только под контролем архимандрита, обязанного прочитывать все письма, получаемые на имя арестантов и отправляемые ими. Некоторые настоятели монастырей, видимо, крайне тяготятся подобными, чисто полицейскими, обязанностями, возложенными на них; другие же в качестве контролеров переписки нередко обнаруживают совершенно излишнюю подозрительность и придирчивость. В виду этого арестанты всячески стараются обойти строгую и придирчивую цензуру и отправить свои письма как-нибудь помимо настоятеля. Последний в свою очередь употребляет всевозможные усилия, чтобы перехватить письма, отправляемые арестантами или же получаемые ими помимо архимандрита. При этом нередко подозрительность настоятелей доходит до последних пределов. Из множества фактов, имеющих место в нашем распоряжении и подтверждающих это, приведем один наиболее характерный случай, имевший место в Суздальском монастыре. Архимандрит этого монастыря Досифей перехватил письмо, писанное какой-то женщиной и адресованное на имя старообрядческого епископа Геннадия, сидевшего в то время в Суздальской крепости. Письмо это показалось чрезвычайно подозрительным о. архимандриту, который усмотрел в нем доказательство существования чуть ли не целого заговора раскольников. Особенно же загадочными и опасными показались ему "неописанные слова" или, точнее говоря, ряд букв, стоявших в начале письма Г. И. Х. С. Б. П. Н. И вот он спешит представить смутившее его письмо владимирскому архиерею при особом секретном донесении, в котором излагает свои соображения относительно важного значения перехваченного им письма секретного арестанта. Архиерей передает письмо Геннадия в духовную консисторию, с предложением немедленно же начать секретное дознание и следствие по этому поводу. Возникает "дело", начинаются допросы, требуются объяснения от Геннадия: кто именно писал ему злополучное письмо и что означают таинственные буквы, поставленные в начале письма: Г. И. Х. С. Б. П. Н. Геннадий отвечает, что письмо это писано его двоюродной сестрой, а напугавшая начальство буквы означают: "Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас..." 025

Однако, несмотря на то, что с полною очевидностью выяснилось совершенно невинное содержание письма, перехваченного архимандритом, оно все-таки не было передано по принадлежности, и о. Досифей не только не получил замечания по этому поводу, но, наоборот, духовная консистория вполне одобрила его действия и рекомендовала ему и на будущее время строго следить за корреспонденцией Геннадия и представлять к владимирскому архиерею все те письма, которые почему-нибудь покажутся ему подозрительными. Что касается арестантов более интеллигентных, в роде артиллерийского капитана Ильина и других, то недоразумения по поводу их переписки возникали постоянно. Постоянно духовные власти -- монастырские и епархиальные -- должны были производить разные допросы и дознания о нарушении этого рода арестантами инструкций относительно переписки и сношений с своими родственниками, знакомыми и последователями их учений.

В монастыри арестанты присылались и присылаются теперь различно: одни -- в сопровождении "двух благонадежных жандармов", другие -- под конвоем полицейских служителей, третьи -- в сопровождении полицейского чиновника или жандармского офицера, четвертые, наконец, -- по этапу. Обыкновенно арестант, осужденный на заключение в монастырскую тюрьму, препровождается сначала губернатору той губернии, в которой находится монастырь, и затем уже губернатор пересылает его к архимандриту монастыря. Чтобы дать представление о строгости, соблюдаемой во время пути по отношению к такого рода арестантам, привожу здесь для примера инструкцию, данную в 1863 году пермским губернатором жандармскому штабс-капитану Латухину, назначенному сопровождать старообрядческого епископа Геннадия (в миру -- крестьянин Григорий Беляев), осужденного на заключение в Суздальский монастырь. "Назначая вас для сопровождения до г. Владимира крестьянина Григория Беляева, я предписываю вам теперь же принять его и немедленно отправиться с ним в г. Владимир, наблюдая следующее: 1) Во время пути до г. Владимира неотлучно находиться при арестанте в полном вооружении, не позволяя ему ни с кем разговаривать. 2) Вы должны иметь осторожность, чтоб арестант не нанес себе вреда и не бросился бы на имеющееся у вас оружие 3) Квартир нигде не нанимать, а требовать от местных начальников и останавливаться для отдыха в тех местах, где есть воинские команды, от коих просить, по прилагаемому при сем открытому листу, караул, который оставлять во все время пребывания вашего на месте. 4) По прибытии в г. Владимир тотчас явиться к тамошнему губернатору, представить прилагаемый конверт за № и просить его распоряжения о принятии от вас арестанта и выдаче квитанции. 5) В случае значительной болезни арестанта, вы должны доехать до ближайшего рода, отдать его в ведение тамошнего начальства для излечения и доставления, по выздоровлении, за надлежащим присмотром в г. Владимир к тамошнему начальнику губернии, взяв в сдачу квитанцию. 6) В заключение сего предворяю вас, что устройство во время пути, а тем более выпуск арестанта подвергнуть вас строжайшей ответственности по законам".

026 По приезде в монастырь жандармы или полицейские, сопровождавшие арестанта, представляют его о. архимандриту, который принимает от них арестанта и выдает им в этом особую квитанцию, обыкновенно в таком роде: "Доставленный во вверенный управление моему Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь к содержанию в крепостном арестантском отделении арестант такой-то от сопровождавших его N-ской жандармской команды унтер-офицера такого-то и рядового такого-то в означенном монастыре сего 1865 года апреля 10 дня, в шесть часов утра, мною благополучно принят, в чем им, жандармским унтер-офицеру N рядовому NN., за подписью моею, с приложением монастырской казенной печати, квитанция сия и дана". Затем, отец архимандрит приказывает обыскать арестанта, при чем от него отбираются все оказавшиеся при нем деньги и вещи, а также белье и платье; из последнего ему выдают лишь самое необходимое. Все же остальное имущество арестанта остается на хранении у о. архимандрита особенном строгое внимание обращается при этом на письменные принадлежности; бумага, перья, чернила, карандаши -- все это тотчас же отбирается от арестанта, точно так же, как и книги. Нам известен случай, когда заключенному в монастырской тюрьме воспрещено было на первых порах иметь даже евангелие и псалтырь. И этот случай имел место не сто и не двести лет тому назад, а всего лишь только год -- два тому назад. После обыска арестанта отводят в крепость или арестантское отделение монастыря и запирают там в маленькую одиночную камеру с необычайно толстыми, сырыми стенами. В камере одно окно с массивной железной решеткой, но видеть в это окно ничего нельзя, так как оно упирается в высокую крепостную стену, которая на расстоянии 2--3 сажень окружает тюрьму с трех сторон. Тюрьма старинная, сырая и холодная. Она не прогревается даже летом, вследствие чего арестанты сильно страдают от холода и сырости. Камеры всегда на замке; некоторые арестанты выпускаются в коридорах для прогулки. Но этой льготой пользуются не все; первое же время арестанта никуда не выпускают из камеры. Только раз в день открывается тюремная дверь для того, чтобы арестант мог вынести парашу, стоящую в его камере. Пища передается чрез особое отверстие, находящееся в двери. В это же отверстие часовые солдаты наблюдают за арестантом. Это постоянное подсматривание не может, конечно, не раздражать арестантов, особенно людей с больными, расстроеными нервами, -- а какие-то люди и составляют значительное большинство монастырских узников. К этому еще присоединяется одно обстоятельство, которое при оценке нравственного воздействия и влияния, оказываемого монастырской тюрьмой на ее арестантов, нельзя не признать весьма важным и существенным. Огромное большинство заключенных -- глубоко религиозные, горячо верующие люди, они хотят молиться так как это давно уже сделалось их органической потребностью, но молиться, ежеминутно чувствуя а себе устремленный на вас подозрительный взгляд часового солдата, тяжело, неприятно, оскорбительно, арестант прикрывает чем-нибудь отверстие в двери, становится на молитву и весь отдается религиозному чувству, охватившему его, но в ту же минуту раздается сильнейший стук в дверь, и грубый вый с ругательствами требует немедленно закрыть отверстие. Никакие просьбы арестанта в этом случае не помогут. "Не знай ты молишься, не знай ты стену копаешь" -- говорят в оправдание себя часовые солдаты. В некоторых монастырях до недавнего времени имелись особые воинские команды, на обязанности которых лежало нести караульную службу при монастырской тюрьме. Так, при Соловецкой монастырской тюрьме находилась воинская команда, состоявшая сначала из 50 человек солдат и одного обер-офицера. Впоследствии число солдат был

меньше до 23 человек. В последнее время как солдаты, так и офицер каждый год сменялись. Эта мера вызвана была главным образом тем обстоятельством, что нередко бывали луча, когда солдаты, находившиеся в постоянных сношениях с заключенными, мало-помалу проникались еретическими убеждениями того или другого из них. В половине 80-х годов Соловецкий монастырь посетил командующий войсками С.-Петербургского военного округа, Великий Князь Владимир Александрович, при чем он нашел, что воинская команда там совершенно излишня. Вследствие этого в 1886 году команда была переведена из Соловок, и таким образом монастырская обитель освободилась, наконец, от солдат, присутствие которых в ней являлось, конечно, грубым и резким диссонансом. 001 Историческое описание Суздальского первоклассного Спасо-Евфимиева монастыря, Л. Сахарова. Владимир на Клязьме, 1878 г., стр. 1-8. 002 Там же, стр. 72-73. 003 "Самарские Епархиальные Ведомости" 1901 г. N 16, стр. 8861. 004 "Русская Старина", 1887 г., N и, стр. 340. Статья М. А. Колчина. 005 Беспорядки эти, между прочим, выразились в том, что содержащийся в Соловецкой монастырской тюрьме -- секретный арестант поручик Горожанский, несомненно, душевнобольной, зарезал ножом часового солдата Скворцова. 006 Подробнее об этом см. у П. Н. Милюкова "Очерки по истории русской культуры"; часть вторая, издание 3-е СПб., 1902 г., стр. 25-33. 007 "Русская Старина", 1887 г, кн. XI, статья г Колчина. 008 Там же, страница 356. 009 "Архангельские Губ. Ведомости", 1875 г., N 24 010 Архангельские Губ. Ведомости" 1875 г., N 25. 011 Там же. 012 "Благоверная великая княгиня Соломония (Сабурова) во иночестве София" Владимир, 1900 г, стр. 17. 013 "Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц", "Русское Слово", 1861 г, августа, стр. 24-25. 014 Там же. 015 "Рус Старина", 1887 г, N 10 016 Там же, стр. 64. 017 Н. Я. Аристов: "Афанасий Прок. Щапов", Спб. 1883 г., стр. 73. 018 Там же. 019 Ф. Дубровин: "Наши мистики", "Русская Старина", 1895-96 г. 020 "Русская Старина", 1887 г., N 12, стр. 614. 021 Из подлинных дел. 022 "Рус. Старина", 1888 г., N 2, стр. 399 023 Аркадий, Конон и Геннадий получили свободу только в 1881 г., по ходатайству бывшего тогда министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева. Епископ Алимпий умер в тюрьме, просидев пять лет в одиночном заключении 024 Из подлинных дел монастырского архива. 025 Из подлинных архивных дел. 026 Из подлинных дел канцелярии пермского губернатора

Конец Соловецкой тюрьмы.

I.

Я имею возможность сообщить довольно крупную новость, имеющую, как мне кажется, немаловажное общественное значение: знаменитая историческая тюрьма, находившаяся в Соловецком монастыре, тюрьма, которая сыграла такую печальную роль в истории религиозно-этических, а отчасти и социально-политических движений русского народа, ныне прекратила свое существование. При посещении минувшей осенью 001 Архангельской губернии мне удалось собрать некоторые сведения о последних днях этой исторической тюрьмы. Благодаря глубокой тайне, облекавшей обыкновенно все, что касалось до ссылки в Соловки и заточения в монастырской тюрьме, в общество, в публику проникали лишь крайне отрывочные и самые скудные сведения относительно лиц, подвергавшихся этой тяжелой каре, а также о тех условиях, которые окружали узников в Соловецкой тюрьме. Не уходя "в глубь веков" и не касаясь таких эпох русской исторической жизни, каковы, например, царствование Ивана Грозного или Петра Первого, когда Соловецкие башни, подземные тюрьмы и "каменные мешки", устроенные в монастырских стенах, были переполнены еретиками и государственными преступниками, мы в нескольких словах напомним читателям о более близкой к нам эпохе, а именно о том, что происходило в течение последних трех царствований. Ссылка в Соловки, как мы уже говорили в предыдущей статье, особенно широко применялась во все продолжение царствования императора Николая Павловича, который охотно прибегал к этому наказанию, подвергая монастырскому заточенью: сектантов, раскольников, офицеров, монахов, студентов, священников, помещиков, крестьян, чиновников, купцов, солдат и т. д. Преступления, которые карались ссылкой в Соловки и заточением в монастырской тюрьме, отличались необыкновенным разнообразием и разнохарактерностью. Однако, не может подлежать сомнению, что огромное большинство арестантов Соловецкой тюрьмы составляли, так называемые, религиозные преступники, или преступники против господствующей религии и церкви. Но прежде чем подробнее остановиться на этой главной группе, мы скажем несколько слов о других, менее значительных группах. К числу их прежде всего следует отнести лиц, сосланных в Соловки за политические преступления. Из числа этой категории лиц при Николае Павловиче были, между прочим, заключены в Соловецкую тюрьму бывшие студенты Московского университета, Николай Попов и Михаил Критский, прикосновенные к делу декабристов. В 30-х годах, был сослан в ту же тюрьму священник Владимирской губернии Лавровский "по подозрению на него в подбрасывании возмутительных листов по разным местам Владимирской губернии". В этих листках "порицалось крепостное право и советовалось крестьянам писать письма к детям в армию, советуя им возмутиться для уничтожения крепостного права". Следует заметить, что Лавровский все время самым решительным образом отрицал свое участие в этом деле, и, судя по всем данным, нужно думать, что он действительно совершенно не был причастен к этому делу и является жертвой ошибки со стороны тогдашнего правосудия, которое олицетворял

о собою жандармский полковник Маслов, производивший по этому делу дознание и следствие. Далее, в 50-х годах, в Соловецкую тюрьму попал бывший студент Киевского, а потом Казанского университета Георгий андалузский "за вредный образ мыслей и злонамеренные сочинения". Судя по тому, что при обыске у него найдены были разные "бумаги и стихи мятежного содержания, имевшие целью восстановление малорусской народности", можно думать, что андалузский принадлежал к партии украинофилов. В царствование Александра II в 1861 г. был Аслан в Соловки "под строжайший надзор" священник Пензенской губернии Федор Померанцев за неправильное толкование манифеста 1861 года", следствием чего произошло возмущение крестьян графа Уварова, для прекращения которого потребовались войска. В 1864 году в Соловки был прислан студент Казанской духовной академии священник Яхонтов за совершение панихиды по Антоне Петрове, убитом в селе Бездне, Казанского уезда, во время усмирения крестьянского возмущения, вызванного введением уставных грамот. Вместе с о. Яхонтовым ссылка в Соловки угрожала тогда и студенту IV курса Казанск. дух. акад. иеродиакону белению, но по ходатайству некоторых духовных лиц заменена назначением о. иеродиакона мелетя (прямо с IV курса академии), на миссионерское служение в Восточную Сибирь, в ведение Вениамина, Архип. Иркутского. В Сибири о. Мелетий дописывал и свое кандидатское сочинение. Архип. Вениамин принял горячее отеческое участие в судьбе злополучного инока и постепенно возводил его по ступеням Иерархического служения. впоследствии о. Мелетий сделался преосвященным Мелетием, епископом Якутским и Вилюйским, скончался в сане епископа Рязанского и Зарайского. Затем, в конце 1879 г. в Соловецкой тюрьме застигнут крестьянина Тверской губернии Якова Потапова за участие в известной демонстрации, бывшей в Петербурге, на Казанской площади 6 декабря 1876 г., и крестьянина Ярославск. губернии Матвея Григорьева, "осужденного особым присутствием Сената 18 -- 25 января 1877 года за государственное преступление" К этой же группе следует отнести лиц, сосланных в Соловки "за произнесение дерзких, неприличных и оскорбительных слов на счет Высочайших особ и государственной власти" За такие именно поступки были заключены в Соловецкую тюрьму, между прочим, поручик Горожанкой, крестьянин Скотин и многие другие. Нередко "дерзкие" и "оскорбительные слова" против Высочайшей власти истекали из неправильного "превратного" и "нелепого" понимания священного писания. Так, хорунжий оренбургского казачьего войска подвергся заключению в Соловецкой тюрьме "за нелепые толкования священного писания с дерзновенными выражениями против Высочайших особ и власти". Случалось, что дерзкие и оскорбительные слова произносились без всякого злого умысла, "в пьяном виде", но и это обстоятельство не избавляло виновных от знакомства с монастырским казематом. Так, священник Тульской губернии Васильев "в пьяном виде произносил дерзкие слова, относящиеся к особе государя". По доносу священник был предан суду Тульской уголовной палаты, которая приговорила его к каторге, но государь повелел заключить его в Новосильский монастырь. Так как по отзывам монастырского начальства священник Васильев и там продолжал вести буйный и пьяный образ жизни, то Св. Синод решил послать его в Соловецкий монастырь. Наконец, в Соловецкую тюрьму сослались не только за дерзкие и оскорбительные слова, но и за мнения и рассуждения, раз эти последние расходились с общепризнанными взглядами на церковь и государственную власть. Так, некто Федор Подшивалов был заключен в монастырскую тюрьму "за мнения его о религии и гражданском устройстве, обнаруживающие превратность идей его о сих предметах". Крестьянин Ярославской губернии Никитин -- "за непреодолимое упорство в своих вредных мнениях о благословенном кресте, духовной песни аллилуйя и других религиозных предметах и дерзкая политическая рассуждения". Помимо своего главного назначения -- служить местом заточения для преступников против церкви и государства, Соловецкая тюрьма являлась в то же время, в известной степени, смиренным домом для разных "буйных" и "дерзких" голов. Так, подполковник Ганнибал попал в эту тюрьму "за буйство и дерзкие поступки"; священник Семенов -- "за произнесение дерзких слов", губернский секретарь Дыбовский -- "за дерзости и богохульство" и т. д. Некоторые лица сослались в Соловки по ходатайству своих родственников за развратное поведение, буйство и пьянство. Так, например, корнет Сперанский "за развратное поведение, пьянство и буйство, -- по жалобе отца своего", был Аслан в Соловки до тех пор, "пока утвердится в доброй нравственности и особенно в правилах нашей религии". Далее, в Соловецкую тюрьму сослались лица, совершившие особенно тяжкие уголовные преступления, в роде убийства близких себе людей: отца, матери, жены, детей, а также виновные в таких противоестественных преступлениях, как, например, кровосмешение и т. п. Московский купец Кирьянов был заточен за убийство своей родной сестры. Особенно же часто заточались в Соловки лица, совершившие убийство в припадке сумасшествия. Один заводской мастерской был сослан в Соловецкую тюрьму "на вечное содержание за убийство в припадке сумасшествия отца своего и жены". Военный поселенин Псковского округа был сослан в Соловки "для покаяния на всю жизнь за убийство в скрытном сумасшествии трех своих дочерей и родного брата, а также за покушение произвести многие (другие) убийства". Случайное, нечаянное убийство каралось с той же суровостью, как и намеренное, при чем даже детский возраст не освобождал от монастырского заточения. Так, "малолетний казачий сын Иван Понасенко был заключен в Соловецкую тюрьму за убийство 8-ми месячной девочки". В момент совершения этого убийства Понасенке было не более 10-ти лет. И хотя едва ли можно сомневаться в том, что это убийство было совершенно случайное, по неосторожности, тем не менее, несчастный ребенок пробыл в монастырской тюрьме около шести

лет, пока наконец не был сдан в солдаты. Крестьянин Тамбовской губернии, Иван Безтолченев, за кровосмешение со своею снохою, был Аслан в Соловки по определению Святейшего Синода, в виде эпитемии на семь с половиною лет, т. д.

II.

Переходя к группе религиозных преступников, необходимо отметить, что чаще всего монастырскому заключению в Соловках подвергались вожаки и руководители раскола -- старообрядчества, а также основатели и главные деятели разных сект, в роде известного безпоповца, костромского купца Папулна, есаула донского войска Евлампия Котельникова, известного мистика, игумена Селенгинского монастыря Израиля, основателя Деснаго братства, артиллерийского капитана Ильина, "духовного царя" прыгунов Рудометкина, пермского купца Адриана Пушкина, наставника саратовских молокан Петра Плеханова, знаменитого в летописях секты бегунов или странников Никиты Семенова Киселева и т. д. Рядовые же, обыкновенные раскольники и сектанты ссылались в Соловки большею частью тогда, когда они были обличены или же только заподозрены в распространении раскола или сектантства. Несоблюдение тех или иных таинств православной церкви точно так же каралось Соловецкой тюрьмой. Так, например, трое солдат были сосланы в Соловки "за несогласие крестить детей своих по обряду православной церкви". Все арестанты всегда присылались под строгим секретом, при чем весьма часто причины ссылки и заточения того или другого лица указывались лишь в самых общих чертах, например, в таком роде: высылается "за противозаконные и крайне вредные по расколу действия", или же: "за пребывание в ереси и отрицание таинств исповеди и святого причащения", или: "за распространение вредных толков о вере и богопротивные деяния"; или: "за надругательство над св. иконами"; или: "за вторичное обращение из православия в раскол"; или: "за духовное преступление, в которое он (штабс-капитан Щеголяв) был вовлечен безнравственностью и невежеством" и т. д. Но и такого рода краткие характеристики делались далеко не всегда, нередко же причины заточения определялись еще более лаконически и в то же время еще более неопределенно, как, например: "за раскольничество", "за старообрядчество", за раскольническую ересь" и т. д. Наконец, в числе заключенных в монастырской тюрьме были и такие, относительно которых даже само монастырское начальство было в полной неизвестности о причинах, вызвавших их заточение. Множество лиц ссылалось в Соловки "за отпадение от православия" и "за соращение в раскол или ересь". Чиновник 8-го класса Крестинной был заключен в Соловецкую тюрьму "за соращение себя (!), жены своей и детей в раскольническую ересь безпоповщины". С особенною же строгостью преследовалось соращение в раскол нижних воинских чинов. Довольно часты были случаи, когда в Соловки ссылались за отказ от военной службы; такие отказы большею частью происходили по мотивам религиозного характера. Так, рекрут из крестьян Московской губернии, молоканин Иван Шурупов, 9 лет, по принятии на службу, "отказался дать присягу, несмотря на всевозможные принуждения", свой отказ он мотивировал тем, что, по слову Божию, нужно служить одному Богу, а потому служить государю он не желает и присягу принять отказывается, опасаясь быть клятвопреступником. Император Николай Павлович на докладе о Шурупове положил резолюцию об отправке его под конвоем в Соловецкий монастырь. Гвардейцы Николаев и Богданов бежали из военной службы в раскольнический скит, устроенный в лесу одним мещанином. При поимке один из гвардейцев отказался вовсе служить в военной службе, как несогласной с его убеждениями, и не хотел присягать, другой же, хотя и присягал, но с условием, чтобы ему дозволено было исповедовать старообрядчество. За это военное начальство решило прогнать их сквозь строй и отдать в арестантские роты, но государь повелел заточить их в Соловецкий острог. При ссылке в Соловки сектантов и раскольников, только в редких, сравнительно, случаях определялась та секта, к которой принадлежал заточаемый в монастырскую тюрьму, чаще же всего писалось, что такой-то ссылается "за богопротивную ересь" или "за распространение сектантских толков и дерзость против духовных властей", но в, чем именно состояла эта ересь или это сектантство -- не объяснялось. Впрочем, о принадлежности соловецких узников к той или иной секте иногда можно догадаться и по тем кратким характеристикам, которые заключались о них в делах. Так, например, не трудно узнать последователей известной секты бегунов или странников в следующих характеристиках Соловецких узников: "Егор Иванов -- из бродяг, ссылается за сокрытие своего звания и непризнание никаких властей"; или NN -- "неизвестный бродяга за непризнание святых угодников, Государя Императора и начальственной власти", или "бродяга непризнающий власти и религии" и т. д. Только последователи одной секты всегда определялись точно, это -- скопцы, которых не мало перебивало в Соловецких казематах. Один из них, крестьянин Антон Дмитриев, за оскпление себя и своего помещика графа Головкина был заключен в монастырскую тюрьму "навсегда". Он пробыл в заточении... страшно сказать! целые 65 лет... В числе скопцов, сидевших в Соловецкой тюрьме, встречаются привилегированные, чиновные лица, как, например, штабс-капитан Созонович. Священники подвергались монастырскому заточению чаще всего "за побег к раскольникам". К этой главной вине нередко присоединялись еще другие, в роде нетрезвой жизни, пьянства, буйства и т. п. Священник Алексей Степанов был заточен в Соловки "за законопротивные поступки, нетрезвость буйство и побег к раскольникам со вступлением в их секту". Монахи ссылались в Соловки за уклонение в ересь, "за порочную жизнь", "за лживые и клеветнические донос", "за пьянственное и развратное

поведение" и т. д. Если судить по официальным делам, то "еретичество" некоторых лиц, из числа попадавших в Соловецкую тюрьму, иногда заходило слишком далеко. Так, например, в 50-х годах в Соловецком остроге содержался придворный певчий, окончивший курс Черниговской духовной семинарии, Александр Орловский, обвиненный не более не менее как в безбожии. Однако, если основываться на рукописи самого узника Орловского, то атеизм его состоял лишь в том, что он в пьяной компании, желая похвастаться своею ученостью и своим либерализмом, произнес несколько дерзких слов против религии. Слова эти кем-то из присутствующих были переданы начальству, вследствие чего и возникло дело по обвинению Орловского в атеизме. Результатом этого дела было заточение Орловского в Соловки. Из сект, особенно далеко ушедших от учения православной церкви, едва ли не первое место принадлежит суботникам, т. е. последователям секты Иудействующих. Как известно, суботники отрицают в корне не только православие, но и все христианство, исповедуя убеждение, что обещанный Богом Спаситель мира, Мессия, до сих пор еще не явился. В числе арестантов Соловецкой тюрьмы было несколько последователей "еврейской веры", которым ставилось в вину их "отпадение от христианства". Что касается отпадения от православия, в чем обвинялось огромное большинство Соловецких узников, то нередко отпадение это выражалось в крайне резкой форме; так, например, по отзыву настоятеля монастыря, вахтер Иван Бураков был заключен в Соловецкую тюрьму "за отступление от православия в раскол, какого еще не бывало: ни чему не верит". По отзывам того же архимандрита, Бураков -- "величайший богоотступник", который "никаких увещаний не принимает, святыню, догматы и самого Иисуса Христа хулит, верит каким-то явлениям и поныне ожидает изменения в церкви и во всем. Но неизмеримо чаще мы встречаемся с такими случаями, когда монастырское заточение постигало людей за проступки, которые, казалось бы, не заключали в себе ничего ужасного. Так, например три солдата были заключены в Соловецкую тюрьму "за старообрядчество". Рядовой Потаиных попал в монастырскую тюрьму "за заблуждение в понятии св. писания". Снопе ссылались в Соловки "за объявление нелепостей" или же "за нелепые предсказания". Крестьянин Сергеев был заточен "за крещение себя двуперстным сложением по раскольнически и рассказы нелепостей от религиозного наступления" и т. д. Подобных примеров можно было бы привести множество. Выше вы видели, что весьма значительную часть группы политических узников Соловецкой тюрьмы составляли лица, сосланные туда за дерзкие и оскорбительные слова против государственной власти и ее высших представителей. Точно так же и среди лиц, заточенных в Соловки за религиозные преступления и проступки, мы встречаем множество лиц, сосланных за дерзкие и "богохульные" слова против религии, церкви, духовных властей, а также за дерзкие слова о таинствах православной церкви, иконах и т. д. Крестьянин Вятской губернии Семен Шубин "за старообрядчество и богохульные слова на св. дары и церковь" просидел в Соловецкой тюрьме... целые 63 года! Учитель Воскресенский "за дерзкие и богохульные слова" был заключен в Соловецкую тюрьму "на всю жизнь" Особенно сурово каралось "оскорбление святыни", когда оно выражалось не только в словах, но и в действиях. В этих случаях виновные наказывались монастырским заточением даже тогда, когда все обстоятельства дела явно доказывали полную невменяемость лица, совершившего это преступление. Так, неслужащий дворянин Мандрило, живший в своем имении в селе Чепчугах, Казанского уезда, и страдавший явным психическим расстройством, за оскорбление святыни в сельской церкви был сослан в Соловки и подвергнут строгому одиночному заключению в монастырской тюрьме. Приведенные здесь факты, без сомнения, доказывают, во-первых, что Соловецкой тюрьмой наказывались лица, виновные в самых разнообразных преступлениях и проступках, а, во-вторых, наглядно рисуют, какую действительно важную, огромную роль в общественной, народной жизни России играла эта историческая тюрьма даже в ближайшее к нам время.

III.

Кому случалось лично бывать в Соловках, тот наверное никогда не забудет того тяжелого, удручающего впечатления, какое неизменно на всех производила монастырская тюрьма, известная у местных жителей под именем "острога" и "темницы". Старинное, мрачное здание в три этажа высилось над каменной стеной, которая отделяла его от других монастырских зданий. Особенно ваше внимание приковывали к себе ряды маленьких темных окон с тусклыми, позеленевшими от времени стеклами, с толстыми тройными рамами и двойными железными решетками. Тюрьма состояла из тесных, полутемных казематов, пропитанных затхлою сыростью и зловонием "парашек" и лишенных всякой вентиляции. Вообще, здесь никто не думал ни о необходимости вентиляции, ни о соблюдении других не менее важных и элементарных требований гигиены и санитарии. Соловецкая тюрьма, как и все вообще монастырские тюрьмы, -- стояла вне всякого контроля судебных и тюремных учреждений и находилась в полном и единоличном заведовании настоятеля монастыря, который и считался ее "комендантом". Пища была грубая и скудная. Арестанты радовались как дети, когда им приносили свежий, мягкий хлеб. Тяжесть положения лиц, заточенных в монастыре, особенно усиливалась благодаря климатическим, совершенно исключительным, условиям Соловецкого острова: постоянные туманы, плотно окутывающие землю, холодное, нелюдимое море, длинные, полярные ночи, бесконечные суровые зимы, тьма и мрак, жестокие пурги и лютые морозы -- вот, что окружало узников, томившихся в сырых и смрадных казематах

монастырской тюрьмы долгие -- долгие годы а зачастую и целые десятки лет. Особенно тяжело, конечно, было положение здесь уроженцев юга: жителей Украины, Новороссии и Кавказа. В течение всей зимы обитатели Соловок бывают совершенно отрезаны от всего остального мира, к ним не достигают ни письма ни газеты, так как всякие сообщения с материком прекращаются. Вольные и невольные обитатели Соловок находятся в полном неведении того, что творится на белом свете, что происходит за пределами их пустынного острова. Только с первым парходом, который придет к ним весной или, правильнее говоря, летом, они узнают о том, что произошло за все то время, в течение которого они лишены были возможности всякого общения с живыми людьми. С страстным нетерпением ждут лета жители крайнего севера, но для обитателей Соловецкой тюрьмы и лето не приносит радости и счастья, так как в течение лета надзор за арестантами и вообще строгости заключения значительно усиливаются вследствие боязни побега. Зимой из Соловок бежать никуда невозможно. Поэтому в течение зимнего времени арестанты пользуются некоторой свободой: их выпускают из камер на монастырский двор за водой, за дровами, за пищей. Но с приходом первого же судна условия резко меняются, арестанты лишаются права выходить из ворот тюрьмы, казематы их затворяются на замок, надзор за тюрьмой усиливается, принимаются все меры к тому, чтобы арестанты как-нибудь не вошли в сношения с богомольцами и другими лицами, посещающими летом Соловки. Тюрьма, которая была до самого последнего времени в Соловках, получила свое начало в 1718 г., когда в северо-западном углу монастыря, близ Короженской башни с земляными тюрьмами, построена была большая двухэтажная "палата". Нижний этаж этой палаты в 1798 году был приспособлен для тюремных помещений, при чем на первый раз в нем было устроено 12 казематов, или же "арестантских чуланов". Спустя 30 лет, в 1828 году, в царствование Николая Павловича и второй этаж этой палаты был обращен в тюрьму, при чем в нем было устроено 16 казематов, или чуланов. В это время, т. е. в начале только -- что минувшего столетия, караульные солдаты, которые стерегли арестантов, помещались в том же самом здании тюрьмы: коридоры между арестантскими "чуланами" служили помещением для солдат. Такое близкое соседство стражи с арестантами часто вызывало разные неприятные столкновения между ними, а потому в 1842 году, по просьбе архимандрита Алания, солдат и офицера построена была особая казарма, а тюрьма увеличена надстройкою третьего этажа. В таком виде она существовала до самого последнего времени, т. е. до осени прошлого 1903 г. По свидетельству г. Колчина, в Соловках сохранилась легенда, относящаяся до постройки этой тюрьмы. Известно, что в одном из самых мрачных казематов, расположенном на южной стороне монастырской крепостной стены, долгое время находился в заточении последний кошевой атаман Сечи Запорожской Кольнишевский. Будучи уже глубоким стариком, он просидел в этом каземате целые 16 лет, после чего вдруг выяснилось, что он ни в чем не был виноват. И вот рассказывают, что царь, освободив Кольнишевского, захотел чем-нибудь вознаградить его за перенесенные им страдания и приказал спросить у него: чего он хочет себе в награду? -- "Стар я стал, -- отвечал Кольнишевский, -- мирские почести меня не прельщают, богатство мне не нужно: не прожить мне и того, что у меня есть... Если же царь-батюшка хочет меня пожаловать, пусть он прикажет выстроить для преступников настоящую тюрьму, чтобы они не маялись, как я, в душ казематах крепости".

IV

Долгое время глубокая тайна скрывала все то, что касалось заточения людей в монастырские тюрьмы. Долгое время русская печать не имела возможности касаться вопроса о монастырских заточениях и, в частности, вопроса о Соловецкой тюрьме и условиях содержания в ней заключенных. Только в 1880 г., благодаря тем совершенно случайным и кратковременным облегчениям, которые получила наша пресса при Лорис-Меликове, явилась возможность заговорить о Соловецкой тюрьме, поднять вопрос о необходимости освобождения лиц, содержащихся в ней, и, наконец, поставить вопрос о настоятельной необходимости возможно скорее и раз навсегда покончить с этой давно отжившей формой наказания, от которой так и веет средними веками. Можно думать, что и в правительственных сферах мало-помалу пришли к убеждению о полной непригодности Соловецкой тюрьмы. И вот мы видим, что с течением времени число лиц, ссылаемых в Соловецкую тюрьму, постепенно становится все меньше и меньше. В 1886 году этой тюрьме был нанесен сильный удар: командующий войсками С.-Петербургского военного округа Великий Князь Владимир Александрович, посетив Соловки и найдя, что воинская команда, на обязанности которой было караулить арестантов монастырского острога, совершенно там излишня, в виду незначительности числа арестантов, -- сделал распоряжение о переводе этой команды из Соловок. Окончательному упразднению Соловецкой тюрьмы, как говорят, не мало содействовал бывший военный министр А. Н. Куропаткин, лично посетивший Соловки летом 1902 года. Как бы то ни было, но в следующем же 1903 году состоялась передача правительством тюремных зданий в собственность Соловецкого монастыря. Кроме главного здания, в котором была тюрьма, монастырю передан также двухэтажный каменный флигель, где помещались караульные команды и офицер. В прежней тюрьме, в казематах которой еще недавно томились узники, теперь устраивается братская больница с церковью. В это же здание переведены монастырские схимники. Флигель, служивший ранее для военной команды, теперь занят квартирой врача и аптекой. По распоряжению А. Н. Куропаткина, в Соловки командирован военный врач, который будет ежегодно заменяться

другим. До сих пор Соловецкий монастырь был лишен всякой медицинской помощи, если не считать фельдшера, от времени до времени посещавшего Соловки. В настоящее время из числа бывших узников, сидевших в монастырской тюрьме, в Соловках, если не ошибаемся, остается один только Петр Лаврентьев, сосланный сюда в заточение 23 года тому назад. Теперь он живет на Секирной горе, в скиту. Несмотря на долголетнее тюремное заключение, Лаврентьев и по сей час не оставил своих прежних убеждений, и, как нам сообщают, "пользуется каждым случаем, чтобы громить и бичевать монахов". Впрочем, люди, имевшие случай беседовать с Лаврентьевым, уверяли нас, что двадцатилетнее тюремное заключение оставило глубокие следы в его душевном строе, в конец расстроив его психику. По уверению этих лиц, в настоящее время Лаврентьев представляет из себя жалкого, полупомешанного человека. С упразднением Соловецкой тюрьмы навсегда прекратилось монастырское заточение, этот мрачный остаток давно прошедших веков. Но ссылка в Соловки не прекратилась. К сожалению, и сейчас ссылка в Соловецкий монастырь практикуется в широких размерах. Впрочем, необходимо заметить, что в настоящее время в Соловки ссылаются почти исключительно лица духовного звания и сана, чаще всего монахи, провинившиеся против монастырского устава. В течение 1902 -- 1903 года в Соловецком монастыре было 10 человек ссыльных Иеромонахов и иеродиаконов. Вот их имена: Феофан, Павел, Илиодор, Серафим, Исихий, Пафнутий, Ираклий, Всеволод, Николай и Александр. Некоторые из них "запрещены" и находятся под эпитемией бессрочно. Сосланы они на неопределенное время, впредь до дальнейшего распоряжения Св. Синода. Жизнь в Соловках этих ссыльных монахов, конечно, очень не завидна. Большая часть их разослана по дальним скитам монастыря под строгий присмотр. Но кроме монахов, прегрешивших против монастырского устава, в Соловки до сих пор ссылают также лиц виновных или же только заподозренных в "еретичестве". Так, в настоящее время в Соловецком монастыре находится в ссылке "за ересь" расстриженный архимандрит Михаил и его последователь монах Исаакий. Оба они сосланы в Соловки, как говорят тамошние монахи: "до конца их живота" под строжайший надзор настоятеля монастыря. Между прочим им безусловно воспрещена всякого рода переписка с кем бы то ни было. В чем, собственно, состояла ересь бывшего архимандрита Михаила, мне, к сожалению, узнать не удалось, так как о причинах, вызвавших его ссылку, Соловецкие монахи говорят крайне неохотно, и вообще все это дело сохраняется в великой тайне. Если верить рассказу одного лица, имевшего случай, по его словам, видеть формуляры архимандрита Михаила и монаха Исаакия, то можно заключить, что оба они сосланы за ересь хлыстовского характера. По рассказу этого лица, архимандрит Михаил, влюбившись в деревенскую девушку, настолько возвеличил ее, что стал считать ее безгрешной и даже святой. Исаакий разделял убеждение своего архимандрита и тоже доказывал святость этой девушки. Таким образом, отныне Соловецкая тюрьма, прекратив свое долгое и печальное существование, отошла, наконец, в область истории. Мрачную, кровавую память оставила она по себе в сердцах многих тысяч русских людей. Дамокловым мечом висела эта тюрьма в течение целых столетий над мыслью и совестью русского народа. Отныне мрачные казематы и "чуланы" не будут уже более пугать и страшить тех, чья пытливая мысль в поисках за духовным, этическим обновлением пойдет с колеи готовых, избитых шаблонов, выйдет из тесных казенных, официальных рамок. Этому, конечно, нельзя не порадоваться от всей души, но... Но при этом не следует, однако, забывать, что Соловецкая тюрьма, к сожалению, была не единственной в своем роде. Не следует забывать что в одном из центральных монастырей России -- Суздальском Спасо-Евфимьевском -- до сих пор продолжает функционировать крепость-тюрьма, в которой и сейчас томятся 14 человек "преступников против религии и церкви". Следовало бы, наконец, вспомнить об этих несчастных, очевидно, совершенно забытых людях, тем более, что некоторые из них находятся в одиночном заключении монастырской тюрьмы уже более 10-ти, 15-ти и даже 20-ти лет. Так, например, уроженец Нижегородской губернии Николай Иванович Добролюбов сидит в Суздальской монастырской тюрьме уже 25 лет... Неужели двадцатилетнего сурового одиночного заключения не достаточно для того, чтобы загладить и искупить даже несомненную, вполне доказанную и притом серьезную и важную вину? Соображение это имеет за себя тем больше оснований, что виновность многих лиц, томящихся в монастырских тюрьмах, отнюдь не может считаться вполне доказанной. При подобных условиях полная амнистия всем томящимся в монастырских тюрьмах явилась бы актом необходимой справедливости. Горячо хотелось бы видеть этот акт осуществленным именно теперь, в трудные дни, переживаемые нацией, когда для русского общества и народа так особенно важно и дорого, с одной стороны, полное духовное единение, а с другой -- подъем бодрого общественного настроения... 001 1903 года.

Монастырские заточения последнего времени.

В виду того, что у нас в обществе весьма сильно распространен взгляд на монастырские заточения как на явление более или менее далекого прошлого и потому большинство склонно признавать за этой формой наказания лишь чисто историческое значение, -- мы считаем необходимым привести здесь и подробнее остановиться на некоторых фактах и примерах из самого последнего времени, чтобы наглядно показать, что, несмотря на чисто средневековой характер этого наказания, оно, к сожалению, и до сих пор применяется у нас весьма часто. Помимо этого, факты и примеры, которые мы приводим здесь, могут послужить, как

нам кажется, выразительной и яркой иллюстрацией той общей системы борьбы с сектантством и всякого рода религиозно-этическими разномыслиями, которой и до сих пор держится наша администрация, как гражданская, так и особенно духовная. С этой точки зрения явления и факты, приводимые нами здесь, получают важное, можно сказать, огромное обще-венное значение. Вот эти факты.

I

Случай первый. В августе месяце 1902 года из Суздальской монастырской тюрьмы был освобожден архангельский уроженец Василий Осипович Рахов, просидевший в одиночном заключении монастырского каземата целые восемь лет. Нам удалось собрать некоторые сведения об обстоятельствах, при которых состоялась ссылка и заточение Рахова в монастырь, сведения, которые мы и считаем полезными огласить в печати в виду того, что история заточения Рахова воочию убеждает в том, как легко у нас даже и теперь попасть в монастырскую тюрьму. Биографические данные о г. Рахове, а также сведения об его благотворительной и просветительной деятельности, которая, собственно говоря, и привела его в Суздальскую тюрьму, мы находим в письме из Архангельска, напечатанном в газете "Неделя" за 1893 год. "Лет десять тому назад, -- сообщалось в этом письме, -- в одной из торговых контор богатой немецкой фирмы в Архангельске состоял на службе молодой человек, лет 22-х, некто В. Рахов. Сын довольно состоятельных родителей, на прекрасном счету у своих принципалов, он был уже, так сказать, на пороге блестящей житейской карьеры, как вдруг, к ужасу родных и немалому изумлению знакомых, бросил и службу и общество, в котором вращался, и куда-то исчез. Спустя некоторое время, мы застаем его уже в глухой деревушке Пинежского уезда. Там, переходя из избы в избы, он усердно обучает грамоте и закону Божию деревенских ребятишек, делом и советом помогает взрослым, а по вечерам и в праздники читает им книжки религиозно-нравственного содержания. В то же время он вступает в деятельную борьбу с грубостью, пьянством и другими недостатками мужика, успешно будит его совесть, и крестьяне нравственно оживают. Рахов является желанным гостем в каждой избе: он и учитель, и миротворец, и помощник. Мужики перестают пить; бабы, натерпевшиеся от пьяных мужей, благодарят Провидение за то, что оно послало им такого человека, через которого Ане увидели свет. "Долго ли продолжалась бы эта просветительная деятельность Рахова -- неизвестно, но только, по доносу местного священника, которому он показался подозрительным, ему было воспрещено оставаться в деревне, -- и Рахов уехал в Архангельск. Это было весной. Прожив несколько дней дома, Рахов снова куда-то исчез, и теперь уже надолго. "Проходит более двух лет, пока он вновь появляется на родине. Оказывается, что за это время он пешком обошел весь русский юг, побывал на Афоне, пробрался в Палестину.[28] Наконец, он попадает в Одессу. Здесь, по своему обыкновению, он поселяется на одной из окраин города и входит в соприкосновение с населением ее, состоящим из рабочих, босяков и нищих. Он приходит в ужас от той страшной и безысходной нужды, среди которой живут все эти люди. Он решает заявить Оби этом богатому одесскому обществу, чтобы вызвать с его стороны участие и помощь этой вопиющей нужде. Но как это сделать? Каждый день, каждый вечер богатые, состоятельные люди собираются в театре, и вот, не долго думая, Рахов идет в театр и занимает место в партере. Публики, действительно, масса, почти все места заняты. В первый же антракт, как только упал занавес, и публика готова была подняться со своих мест, -- Рахов обратился к ней с горячей речью, в которой, описав нужду и нищету голытьбы, гнездящейся на окраинах Одессы призывал общество немедленно же придти на помощь. Легко, конечно, представить себе финал подобной попытки: на сцену не замедлила, разумеется, выступить полиция, затем -- арест и протокол и окончательная развязка -- в участке. В результате Рахова отправляют из Одессы по этапу на место родины в Архангельск. Здесь его "сажают в тюрьму, судят как распространителя какой-то ереси, но, не найдя ни в словах, ни в поступках его ничего предосудительного, оправдывают и выпускают на волю". "Вскоре после этого Рахов опять уходит на юг и затем, через год вновь препровождается по этапу на родину уже из Киева. Замечательно, что и в тюрьме, и во время следования этапом, он всегда был бодр и "радостен" (выражение конвоиров) и имел неотразимое и благотворнейшее влияние на своих товарищей по неволе. По отзыву тюремщиков и конвойных, разные бродяги, мошенники, слушавшие его убежденную речь, делались нравственно чище, лучше; иные же положительно исправлялись". Попав снова в Архангельск, Рахов весь отдается живому, активному служению ближним, в духе чистого христианства. Его лозунгом становится: "все для других, ничего для себя". Он входит в тесное и близкое общение с беднотой, гнездящейся на городских окраинах, внимательно и подробно изучает нужды этого люда. "Ежедневно, с раннего утра и до глубокой ночи, посещает он ночлежные приюты и разные трущобы, в которых ютятся бедность, порок, преступление, учит добру, грамотным раздает книги, помогает, где и чем может, мирит ссорящихся". В начале зимы 1893 года в двух самых захолустных пунктах города, населенных исключительно бедняками, Раховым были наняты квартиры, где он ежедневно кормил до ста и более человек. "Эти трапезы обыкновенно начинались и оканчивались чтением Евангелия и жития святых, разъяснением их и молитвою. Масса посторонних ходила из любопытства в столовые Рахова единственно для того, чтобы послушать его беседы и чтения. Но так как на устройство этих столовых не было испрашено надлежащего разрешения, то последовало закрытие их". Лишенный возможности организовать на более широких началах дело благотворительной помощи, Рахов волей-

невольей вынужден был сузить свою деятельность в этой области. Тогда он начал ходить из дома в дом, из лачуги в лачугу, при чем, по уверению автора цитируемой нами корреспонденции, -- "всегда являлся как раз вовремя там, где требовалась немедленная помощь или утешение". Зимой, ранней порой, когда еще темно, он выходил со двора с санками, на которых были уложены мука, хлеб, дрова и т. п.; он останавливался у заранее отмеченных им избушек бедняков и оставлял у их порога или дрова, -- и затем удалялся, никем не замеченный. Среди бедняков и рабочего класса города деятельность Рахова имела явно благотворное морализующее влияние. "Так на некоторых лесопильных заводах рабочие, под влиянием Рахова, ежедневно начинают теперь работу общию молитвою, и, по отзыву заводчиков, вы ныне не услышите в их среде ни сквернословия, ни раздоров, ни ругани. Помимо этого у них замечается сильный подъем духа, и само дело от этого выигрывает". В заключение корреспонденции автор задается вопросом: "где же берет средства этот странный человек, чтобы поить и кормить массу голодных людей, покупать книги для раздачи, помогать и т. д. -- "Бог дает", -- ответил бы на такой вопрос сам Рахов. Средства эти шлют ему отовсюду, и в этом отношении он так же обеспечен, как Иоанн Кронштадтский.[29] Особенно много сделал Рахов для беднейшей части Архангельского населения в тяжелую годину памятной всем голодовки 1892 года. Помимо открытых им столовых, в которых кормились все бедняки и нищие города, а также пришлый люд, особенно из числа богомольцев, ежегодно в огромном числе направляющихся в Соловецкий монастырь, -- Рахов на одной из окраин города, населенной преимущественно беднотой, в Кузнечихе, устроил мастерские, или вернее дом трудолюбия, где бедняки, не имевшие средств завести свое собственное дело и приобрести инструменты, занимались столярным и сапожным ремеслами, щипали пеньку, плели коврики и т. д. Тут были как мужчины, так и женщины. Затем, сняв особый дом, он устроил в нем приют на 40 человек детей, в который принимались дети, преимущественно сироты, с грудного возраста и до 12 лет. Наконец, им устроен был ночлежный дом для всех бесприютных бездомных. Но ему и этого оказалось мало, и он готов был каждую минуту делиться всем, что он имел, с бедняками и нищими. У него ничего не было своего, личного, заветного, с чем бы он не расстался и не поделился бы с нищими, босяками и нищими. Бывали случаи, когда он, в суровую зимнюю вьюгу, встретив где-нибудь босяка или нищего, одетого в дырявое рубище, -- обменивался с ним платьем, бывшим в это время на нем. Однажды, встретив нищего, дрожавшего от холода, Рахов снял с себя только что подаренную ему отцом прекрасную шубу на лисьем меху и одел ее на нищего. Вполне естественно, что вся городская гольтьба смотрела на Рахова, как на своего благодетеля; она чуть не молилась на него. Что касается других слоев населения, то они относились к этому необыкновенному человеку весьма различно, хотя, по-видимому, все безусловно верили в полную искренность его побуждений и тех внутренних, этических мотивов, которыми он руководствовался в своей деятельности. Но одни считали его чудачком и оригиналом, другие -- религиозно настроенным мистиком и "человеком не от мира сего", третьи наконец, -- не вполне нормальным, немного "тронувшимся" человеком. Как бы то ни было, но довольно долгое время все шло вполне благополучно: учреждения, созданный Раховым на пользу населения, постепенно развивались и крепились. Вдруг по городу пошли какие-то странные, тревожные слухи. Судя по этим слухам, можно было заключить, что местное духовенство заподозрило Рахова в неисполнении им некоторых обрядов православной церкви. Таинственно сообщалось о каких-то брошюрках и книжках, которые читались иногда в открытых им учреждениях и которые, якобы, не вполне согласны с учением и правилами православной церкви. Говорилось, что Рахов будто бы с недостаточным почтением относится к иконам св. угодников. Произведены были обыски в учреждениях, организованных Раховым, но при этом решительно ничего не только преступного, но и сколько-нибудь подозрительного обнаружено не было. Иконы везде оказались на подходящих им местах, брошюрки, возбудившие тревогу и подозрения местных священников, оказались самыми невиннейшими книжками, прошедшими всевозможные цензуры. Тем не менее, однако, по настоянию духовных властей, против Рахова было возбуждено судебное преследование, и затем он был привлечен к суду; дело его рассматривались Архангельской палатой. Когда ему предложили избрать себе защитника, он отказался, заметив: "Бог защитит". К сожалению, нам не пришлось узнать, как именно было сформулировано обвинение против Рахова, но судом, как мы уже упоминали выше, он был оправдан, так как ровно ничего преступного в его действиях суд не нашел. Местная администрация, во главе с губернатором А. П. Энгельгардтом, также ничего не имела против Рахова и его деятельности. Но архангельское епархиальное начальство, очевидно, было на этот счет другого мнения, так как нашло необходимым возбудить ходатайство о ссылке и заключении Рахова в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. Ходатайство это было немедленно уважено и в октябре месяце 1894 года в Архангельске получилось из Петербурга распоряжение об отправке Рахова в Суздальскую монастырскую тюрьму. Немедленно же по получении в Архангельске распоряжения о ссылке в монастырь Рахова, последний был арестован и заключен в тюремный замок, к великому ужасу его отца и матери. Затем с первым же этапом, 20-го октября, в 8 часов утра, Рахов был отправлен в г. Суздаль, при чем ему не разрешено было проститься даже с родной матерью и отцом. Ссылка в монастырь единственного сына, на которого семьей возлагались все надежды, страшно сразила и потрясла как старика отца, так и его жену. Последняя не перенесла удара: она слегла в постель и, прохворав около трех месяцев, умерла "от скорби" 10-го февраля 1895 года. Со смертью жены старик остался одиноким бобылем. С

горечью, хотя и без малейшей тени озлобления, жаловался он на тяжелый удар судьбы, поразивший его семью. Убитый горем отец, между прочим, с тревогой высказывал предположение, что одиночное тюремное заключение может особенно сильно повлиять на мистически настроенное воображение его сына и даже может повлечь за собою полное душевное расстройство его, тем более, что ранее в молодости он уже перенес приступ психической болезни. Несчастный старик всю надежду возлагал на прошения, которые он подавал разным высокопоставленным лицам и в которых он умолял об освобождении его сына из монастырской тюрьмы и об отдаче его ему на поруки... Увы! надежде этой не суждено было осуществиться: старик умер, так и не дождавшись освобождения сына из монастырского каземата. Но есть основания думать, что мольбы и прошения старика Рахова, в конце концов, все-таки были услышаны; по крайней мере, -- как мы уже сообщали в начале этой главы, -- Василий Осипович Рахов был освобожден из Суздальской тюрьмы в августе 1902 года. Он поселился в Архангельске, в семье своих родственников. Восемилетнее тяжелое одиночное заключение, по-видимому, не прошло для него бесследно. Люди, знавшие молодого Рахова до его ссылки и после нее, говорят, что опасения его отца за психическое состояние здоровья сына -- имели полное основание. Долголетняя тюрьма наложила страшную печать на весь духовный облик несчастного узника, на всю его психику. Едва ли теперь он способен к жизни и деятельности. Такова печальная история Рахова. Мы изложили ее здесь на основании, с одной стороны, -- газетных известий, а с другой -- рассказов отца Рахова и некоторых других лиц, имевших случай близко знать В. О. Рахова. Но так как подлинного дела о нем мы не имели в руках, то, быть -- может, в наше сообщение невольно вкрались некоторые неточности. Поэтому, в интересах истины, в интересах выяснения этой глубоко печальной и прискорбной истории -- нельзя не пожелать, чтобы архангельское епархиальное начальство нашло возможным огласить в печати обстоятельства, вызвавшие необходимость применения одной из самых тяжелых уголовных кар к человеку, деятельность которого, казалось, всецело была проникнута духом высокого христианского подвига. Без подробного же знакомства со всеми условиями и обстоятельствами дела, вызвавшими ссылку и заточение Рахова, -- невольно у каждого являются вопросы: за что же, наконец, так жестоко пострадал этот редкий альтруист, стремившийся свою жизнь и деятельность построить на евангельском идеале? За что разбита жизнь этого человека и жизнь его семьи? Не вкралось ли в это дело какой-нибудь роковой ошибки со стороны лиц, возбуждавших преследование против человека, в деятельности которого уголовный суд, разбиравший его дело, не нашел состава преступления?

II

Случай второй. В числе лиц, и сейчас томящихся за решетками Суздальской монастырской тюрьмы, между прочим, находится некто Ермолай Федосеев, заключенный туда согласно ходатайству самарского епархиального начальства. Вот уже пятый год сидит он в строгом одиночном заключении монастырского каземата. О причинах, вызвавших это заточение, находим следующее объяснение в "отчете о состоянии сектантства в Самарской епархии за 1900 год". "По отношению к нераскаянным и зловерным еретикам и пропагаторам епархиальное начальство прибегало к крайнему средству воздействия, ходатайствуя пред Св. Синодом об изъятии их из среды православной паствы чрез заключение в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. Так оно вынуждено было поступить с неким Ермолаем Федосеевым, который жил в пещере и своей лицемерной (?) праведностью привлекал к себе массы простого народа".[30] Следует хотя на минуту остановиться на этих строчках "отчета", чтобы вникнуть в их сокровенный смысл. Прежде всего, нельзя не отметить в них той откровенности, с которой самарское епархиальное начальство заявляет о своем отношении к тем из "еретиков" и "пропагандистов", которых оно почему-нибудь признает "нераскаянными и зловерными". По отношению к таким лицам оно, очевидно, со спокойною совестью :считает себя в праве прибегать к "крайнему средству воздействия", т. е. к изъятию их из среды православной паствы и ссылке в тюрьму Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. И хотя "средство" это самим епархиальным начальством признается "крайним", тем не менее, оно ни мало не стесняется этим обстоятельством и видимо считает подобное средство не только необходимым в борьбе с еретиками и пропагандистами, но и вполне целесообразным и действительным. В виду этого, а также вследствие того, что понятия об еретичестве и пропаганде, конечно, слишком условны, растяжимы и неопределенны -- нельзя не пожалеть о том, что самарское епархиальное начальство не сочло нужным хотя отчасти пояснить: кого собственно считает оно "еретиками" и "пропагандистами" и как именно определяется та "зловерность" их, которая, по его убеждению, должна караться не иначе как монастырской тюрьмой? Переходя затем к отдельному частному случаю, по поводу которого епархиальное начальство нашло нужным высказать свой принципиальный взгляд на монастырские заточения, -- именно к ссылке в Суздальскую тюрьму Ермолая Федосеева -- нельзя не выразить крайнего недоумения относительно мотивировки обвинения в тех преступлениях, за которые Федосеев был обречен на заточение в монастырскую тюрьму. Самарское епархиальное начальство в своем отчете старается уверить, что оно было "вынуждено" применить к Федосееву крайнюю меру, т. е. ссылку в Суздаль, вследствие того, что он "жил в пещере и своей лицемерной праведностью привлекал к себе массы простого народа".[31] Из этого мы в праве заключить, что в лице Федосеева мы видим даже не "еретика", не "пропагандиста", не

"сектанта", а просто мистика, религиозно настроенного человека, который, по примеру святых прежнего времени, предпочитал жить в пещере и таким путем спасать свою душу. Будь Федосеев сектантом или еретиком, и особенно "зловредным" и "нераскаянным", отчет, разумеется, не преминул бы подчеркнуть это обстоятельство, поставить его на вид. Таким образом, все "преступления" Федосеева пред церковью и государством состоят лишь в том, что он во-первых, жил в пещере и, во 2-х, привлекал к себе массы народа своей лицемерной праведностью. Нужно ли говорить о том, что оба эти "преступления" ровно ничего преступного в себе не заключают и ни под одну из статей действующих у нас уголовных законов подведены быть не могут? Как глубоко ни вкоренилась у нас в России система опеки и строгой регламентации особенно по отношению нашего крестьянства, захватив область не только общественной, но и частной жизни, тем не менее, однако, и у нас жить в пещере, например, никому не возбраняется, точно так же не возбраняется и "привлекать к себе народ праведностью". В данном случае виновность Федосеева, как видно из отчета епархиального начальства, главным образом аргументировалась тем, что "праведность", благодаря которой он привлекал к себе "массы народа", была кем-то признана "лицемерной". Но так как при этом отчет не приводит ни одного доказательства в подтверждение лицемерия Федосеева и даже не указывает, кто были те судьи и эксперты, которым дано безошибочно читать в сердцах, то понятно, что подобное обвинение является совершенно голословным и отнюдь не убедительным. Но если даже и согласиться со взглядами Самарского епархиального начальства и признать, что праведность Федосеева была действительно лицемерна, то все-таки совершенно невольно является вопрос: с каких же пор лицемерие и "лицемерная праведность" становятся тяжким уголовным преступлением и притом таким, которое должно быть наказано строгим и многолетним тюремным заключением?... Бесспорно, разумеется, что лицемерие и ханжество являются наиболее крупными, наиболее отталкивающими пороками среди других недостатков нравственной природы человека. Тип лицемера и ханжи, тип Тартюфа всегда и везде возбуждал вполне справедливое и законное чувство негодования, но нигде, никогда и никто -- даже во времена святой инквизиции -- не решался рекомендовать наказывать и исправлять людей этого типа тюрьмой и казематом. Затем -- отчет епархиального начальства ни одного слова не говорит о том: по чьей инициативе возбуждено было дело о Федосееве? Было ли произведено о действиях его наследование? И если было, то кем именно: местным священником миссионером, членом духовной консистории или же представителем административной или судебной власти? Привлекался ли Федосеев за свои действия к судебной ответственности, или же дело ограничилось одним решением духовных властей? Далее, мы не знаем: была ли предоставлена Федосееву возможность оправдаться от возведенных на него обвинений? И, наконец, прежде чем приговорить Федосеева к одному из самых тяжелых наказаний и обречь его на заточение в монастырской тюрьме, были ли испробованы над ним те меры и средства воздействия, которые в подобных случаях обязательны для духовных властей? На все эти вопросы в отчете епархиального начальства мы не находим никаких указаний, никаких разъяснений. При таком положении дела нельзя не выразить глубокого сожаления, во-первых, о том, что самарские духовные власти нашли возможным возбудить ходатайство о заточении Федосеева в Суздальскую крепость решительно без всяких сколько-нибудь серьезных оснований для этого, а, во-вторых, и еще более о том, что подобное ходатайство встретило сочувствие в высших духовных сферах и получило удовлетворение. Как бы то ни было, но в результате пред нами факт поистине поразительный, почти невероятный: человек, в действиях которого не было даже состава преступления, вот уже пятый год сидит в одиночном тюремном заключении, и сколько времени придется ему просидеть -- еще никому неизвестно, так как мы уже видели, что в монастырские тюрьмы у нас всегда попадают люди без определения срока. Мы видели также, как часто подобное заключение продолжается целые десятки лет и даже становится пожизненным...

III

Третий пример. В том же официальном отчете о состоянии сектантства в Самарской епархии за 1900 год, из которого мы заимствовали только что приведенные нами сведения о ссылке и заточении Федосеева, находим сообщение о другом случае заточения в Суздальскую монастырскую тюрьму. Оказывается, что в эту тюрьму и около того же самого времени был заключен крестьянин Самарской губернии Иван Чуриков, вся вина которого, судя по отчету, состояла лишь в том, что он "выдавал себя за целителя и чудотворца и тем эксплуатировал религиозное чувство простецов". Таким образом, и на этот раз монастырскому заточению подвергается не "зловредный еретик", не "пропагандист" опасного учения и не сектант, принадлежащий к какой-либо изуверской секте, а человек, по мнению самого епархиального начальства, виновный лишь в том, что он эксплуатировал религиозное чувство простого народа. Конечно, опять -- таки, нельзя не пожалеть, что самарские духовные власти не нашли нужным сколько-нибудь обосновать и подкрепить фактами обвинение, выставленное ими против Чурикова. Однако, допустим, что обвинение это вполне справедливо и что Чуриков действительно выдавал себя за чудотворца и действительно виновен в эксплуатации религиозного чувства простого народа. Но ведь в таком случае в его действиях неизбежно должны были проявляться и обман, и, быть -- может, даже мошенничество, -- словом, такие проступки и преступления, которые вполне точно предусмотрены нашими законами и наказываются

достаточно строго. Следовательно, при доказанности обвинения, возведенного на Чурикова самарским епархиальным начальством, он неминуемо должен был понести известное, определенное наказание от подлежащего гражданского суда, который, вне всякого сомнения, сумел бы в должной степени покарать виновного за его преступную деятельность и предохранить от нее население. Но самарские духовные власти этот прямой и законный путь нашли почему-то неудобным и предпочли расправиться с Чуриковым в административном порядке, возбудив ходатайство о заточении его в монастырскую тюрьму. Вероятно, ходатайство это было уважено, так как вскоре же Чуриков без всякого суда и даже следствия лишается свободы и запирается в одиночную тюрьму Суздальской крепости... За что? На долго ли? -- никому и ничего неизвестно. Случай с Чуриковым, а также только что приведенные нами случаи с Раховым и Федосеевым наглядно показывают, что и в наши дни весьма не трудно попасть в монастырскую тюрьму. Из того же, что сообщалось нами в предыдущих статьях, читатели, без сомнения, пришли уже к убеждению, что насколько легко у нас попасть в монастырскую тюрьму, настолько же трудно освободиться из нее. К счастью Чурикова, у него нашлись покровители из лиц, имеющих связи и влияние в известных сферах, благодаря чему ему совершенно неожиданно вскоре же удалось освободиться из Суздальской крепости. Но такой развязкой остались весьма недовольны самарские духовные власти. Отчет епархиального начальства, сообщая, что в истекшем 1900 году Чурикову "каким-то образом удалось освободиться из заточения", видимо, относится крайне неодобрительно к такой мере, т. е. к освобождению Чурикова "из заточения", и в доказательство того, насколько была пагубна подобная мера, приводит следующие сведения о дальнейшей жизни и деятельности Чурикова. "Свободой своей, -- говорит отчет, -- Чуриков воспользовался для стяжания себе еще большего авторитета, объясняя свое освобождение не делом милости начальства, а признанием будто бы его невинности (невинности?) и правоты его учения.[32] Теперь он проживает в Петербурге и сотни поклонников, которые вполне обеспечили его существование и сняли для него целый роскошно обставленный дом". Случай с Чуриковым заслуживает особенного внимания главным образом потому, что заточение его в монастырскую тюрьму, -- как уверяют, -- состоялось без Высочайшей санкции. Мало этого, настойчивые слухи утверждают, что относительно заточения Чурикова в Суздальский монастырь не было даже постановления Св. Синода, и что будто бы все дело ограничилось тем, что самарская духовная консистория, признавая деятельность Чурикова вредной, сделала предписание полиции об отправке его в Суздальскую тюрьму, что и было исполнено с точностью, заслуживающей лучшего применения. Вообще вследствие тайны, скрывающей обыкновенно все, что касается до монастырских заточений, как в обществе, так и в народе распространено множество разного рода слухов и толков, иногда, может быть, крайне преувеличенных и даже совершенно не соответствующих истине, которые, тем не менее, получают широкое распространение, внося тревогу и смущение в умы многих людей. В виду этого нельзя не пожелать появления официального сообщения, которое положило бы конец всем подобным, нередко совершенно фантастическим слухам, указав точные цифры и приведя имена, всех лиц, подвергшихся этой суровой каре, а также причины, вызвавшей необходимость ее применения.

IV

Мы остановили внимание читателей на первых попавшихся под руку случаях заточения в монастырские тюрьмы, имевших место в самое последнее время. Но подобного рода примеров можно было бы привести здесь очень много. Хотя в нашу повседневную печать лишь в очень редких случаях проникают известия и притом -- всегда краткие и отрывочные, -- о ссылке и заточении в монастырь того или другого лица, тем не менее, внимательно следя за хроникой религиозной жизни России по разным источникам, можно установить целый ряд подобных случаев. Так недавно в газетах проскользнуло известие, что летом 1901 года в Подольской губернии был следующий случай. На священника Шандровского пало подозрение, что он благоволит штунде. Сворили даже, что он будто бы оставил православие и открыто присоединился к штунде. Его вызывают в губернский город, арестуют там, и вслед затем он бесследно куда-то исчезает. Спустя некоторое время сделалось известно, что он заточен в один из монастырей. Насколько точно это сообщение нам, к сожалению, не известно. Но если случай перехода православного священника в штунду действительно имел место, то вполне понятно, что духовные власти не могли, конечно, не обратить серьезного внимания на этот факт. Жаль только, что случай этот получил разрешение в административном порядке и что все дело опять-таки было облечено строгой тайной. Итак, священник Шандровский попал в монастырское заточение за отпадение от православия и переход в штунду. С точки зрения русского уголовного, а тем более церковного права, подобные действия не могут не считаться, конечно, тяжкими и значительными преступлениями. Но при этом необходимо иметь в виду, что далеко не всегда священники попадают в монастырские тюрьмы за явную, серьезную и несомненную вину. Нередки случаи, когда и теперь монастырским заточением наказываются не преступления и даже не проступки духовных лиц, а лишь взгляды и мнения их по тем или иным вопросам веры и церковного управления. Для примера укажем на священника Тамбовской губернии Гер. Ив. Цветкова, о котором мы уже упоминали в одной из своих предыдущих статей. Священник Цветков летом 1901 года "высшим духовным начальством" был осужден на заточение в Суздальскую монастырскую тюрьму, куда и был тогда же отправлен под полицейским конвоем. По сообщению

С.-Петербургских Ведомостей" "причиною, вызвавшею применение к о. Цветкову такой суровой кары, были некоторые его взгляды, несогласные с теми, которые считаются господствующими в нашем духовенстве. Так, например, о. Цветков осуждал подчинение церкви светской власти в лице обер-прокурора Св. Синода, признавал необходимость скорейшего созыва вселенского собора для разрешения многих назревших вопросов в православной церкви и отвергал авторитет Св. Синода. В этом смысле он неоднократно подавал докладные записки обер-прокурору Св. Синода и многим высшим Иерархам русской церкви, последствием чего и было осуждение о. Цветкова на строгое содержание в монастыре "впредь до раскаяния и исправления".[33] Вот почти уже три года о. Цветков сидит в тюремной келье Суздальской крепости, и ему придется сидеть там до тех пор, пока настоятель монастыря, а затем и высшее духовное начальство не убедятся в том, что он, наконец, исправился, т. е. раскаялся в своих заблуждениях и признал свои взгляды и убеждения ложными и превратными. Но когда это случится и случится ли когда-нибудь -- никто, разумеется, сказать не может, а потому очень возможно, что о. Цветкову придется еще долгие-долгие годы томиться в строжайшем заключении, очень возможно, что он так и не дожидется той минуты, когда пред ним раскроются наконец ворота Суздальской тюрьмы. По этому поводу невольно вспоминается случай аналогичного характера из далекого прошлого. Это было ровно двести лет тому назад. В царствование Петра Первого канцелярия тайных розыскных дел отправила в Соловецкий монастырь в заточение якутского служилого человека, Андрея Сургучова, вина которого состояла в том, что он отрицал Синод и заявлял, что он до тех пор не будет ходить в церковь, "пока не будет уничтожен Синод и пока не перестанут поминать его на ектениях". За эту продерзость и вольнодумство Сургучов был арестован и подвергнут допросу, при чем, по обычаю того времени, его пытали и "жгли огнем", но так как он и с "розыска с огня стоял на своем упрямстве", то поэтому и был отправлен в Соловецкую тюрьму. Со времени этого происшествия прошли целые два века. За это время в нашей общественной жизни многое, конечно, изменилось к лучшему: исчезли пытки, не жгут более огнем на допросах и т. д.; но за решимость высказать свое убеждение и теперь, как 200 лет тому назад, сажают в мрачный каземат монастырской тюрьмы. Как видите, прогресс, достигнутый нами за целые два столетия, едва ли может считаться особенно значительным.[34] Кроме священника Цветкова, в Суздальской монастырской тюрьме в настоящее время сидят еще два священника: Петр Рудаков и Гавриил Александрович Синцоров, а также один монах -- иеродиакон Пимен. К сожалению, нам неизвестны причины, которые привели их в тюрьму. Затем еще недавно в той же самой тюрьме сидели: священник Нижегородской губернии Алексей Евграфович Зерчанинов, священник Петр Федорович золотники и др. Последний за переход к старообрядцам беглопоповцам просидел в Суздальской крепости около 32-х лет, а именно, с 23 декабря 1865 года по 3 апреля 1897 года. Понятно, что столь долгое одиночное заключение не могло не отразиться на нем самым печальным образом: он заболел психическим расстройством, которое с годами под влиянием тюремной обстановки росло все более и более, и когда, наконец, его выпустили из тюрьмы, по ходатайству родственников на их поруки, -- то это был уже жалкий, безнадежно больной человек, не отдающий себе отчета в том, что происходит с ним и вокруг него.

V

Но как в прежние времена, так и теперь, в начале XX века, в наши дни, монастырскому заточению чаще всего подвергаются лица, известные у нас под именем "сектантов" и "еретиков". О том, как злоупотребляют у нас этими терминами, мы уже имели случай говорить в одной из своих прежних статей,[35] а потому считаем себя в праве не распространяться здесь на эту тему. Укажем здесь хотя несколько примеров заключения в монастырские тюрьмы сектантов и еретиков в ближайшие к нам годы. Из отчета г. обер-прокурора Св. Синода за 1898 год, между прочим, узнаем о ссылке и заточении в Суздальский монастырь крестьянина Ахтырского уезда Харьковской губернии, Василия Подгорного, за распространение особой секты хлыстовского характера. Деятельность Подгорного обратила на себя внимание местных духовных властей, которые и не замедлили возбудить против него преследование. По словам отчета, произведенным, по поручению харьковского епархиального начальства, следствием "Подгорный был изобличен в крайне предосудительных поступках: под личиною внешнего благочестия, он распространял в среде темных и легковерных людей лжеучение, подрывающее коренные основы семейной жизни, уважение к святой церкви, ее священнодействиям, таинствам и к совершителям их -- православным пастырям. Вместе с тем сам он вел жизнь безнравственную, погрязая в необузданно-грубом чувственном разврате, для каковой цели собирал женщин и девиц в общежитие под предлогом богоугодных целей и, пользуясь их доверием, растлевал и насиловал их, не стесняясь никаким возрастом. В виду этого в 1892 г. Святейший Синод определил поместить Подгорного в арестантское отделение Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, впредь до усмотрения его раскаяния и исправления".[36] Таким образом и в настоящем случае заточение в монастырскую тюрьму состоялось без всякого суда, на основании одного лишь следствия, "произведенного по поручению харьковского епархиального начальства". Как известно, подобного рода поручения обыкновенно возлагаются на одного из членов духовной консистории, -- чаще всего местного соборного протоиерея или же на епархиального миссионера. Не касаясь вопроса о том, насколько эти лица могут считаться беспристрастными и компетентными следователями и судьями в вопросах, имеющих несомненно

юридический характер,[37] нельзя не выразить удивления, что, приписав Подгорному совершение таких преступных действий, как систематическое "растление и насилдование женщин и девиц", духовные следователи в то же время не нашли почему-то нужным привлечь его к судебной ответственности за эти преступления. Заключение в Суздальскую тюрьму, Подгорный пробыл в ней почти целые десять лет, при чем, как констатировали отчеты г. обер-прокурора Св. Синода, не только не обнаружил раскаяния, но, наоборот, сидя в тюрьме, -- "продолжал оказывать вредное влияние" на своих многочисленных последователей путем тайной переписки с ними. Тем не менее однако, когда в прошлом 1903 г. мне пришлось посетить Суздальский монастырь, то я нашел Подгорного уже не в тюрьме, а в монастырской келье, где он жил не в качестве арестанта или ссыльного, а как монах, принявший пострижение и зачисленный в число братии Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. Столь резкая метаморфоза произошла, как мне объяснили, вследствие того, что настоятель этого монастыря, архимандрит Серафим (бывший артиллерийский полковник Чичагов), сойдясь с Подгорным, лично убедился в его полной невинности в тех преступлениях, которые были приписаны ему харьковскими духовными властями. Если это справедливо, то невольно является вопрос: за что же Василий Подгорный просидел целые десять лет в одиночном заключении монастырского каземата?... Из других сектантов, и сейчас томящихся в Суздальской тюрьме, упомянем о четырех крестьянах Саратовской губернии, заточенных в эту тюрьму за распространение секты енохонцев. Вот уже более десяти лет сидят эти люди в строгом одиночном заключении. Двое из них не вынесли столь продолжительного заключения, и сошли с ума. Однако и это обстоятельство не вызвало улучшения в их положении, напротив, оно скорее содействовало еще большему отягощению их и без того в высшей степени печального положения. Вследствие припадков буйного помешательства, которым они иногда подвергаются, их теперь и день и ночь держать взаперти, не выпуская даже в коридор и на крохотный тюремный двор, для прогулки, -- чем обыкновенно пользуются все остальные арестанты монастырской тюрьмы... Неужели, наконец, хотя сумасшествие не избавит этих несчастных от дальнейшего тюремного заключения?..

VI

Из приведенных фактов видно, что инициатива в деле заключения в монастырские тюрьмы лиц, заподозренных в отступлении от церкви или еретичестве, почти всегда принадлежит местным духовным властям. Некоторые из епархиальных начальств особенно охотно прибегают к ссылке и заточению в монастыри, ни мало, невидимому, не смущаясь экстраординарностью и жестокостью этой меры наказания. Затем из тех же самых примеров видно, что и теперь, как в прежнее время, заключение в монастырские тюрьмы применяется всегда в административном порядке, без суда и следствия или же -- как было, например, с Раховым -- вопреки решению суда. Но если применение административной расправы, административного усмотрения глубоко задевает человеческое чувство в сфере общественной и политической, то что сказать о тех случаях, когда подобного рода расправа применяется в самой интимной области человеческого духа -- в области религиозных верований и этических убеждений людей.[38] В интересах самой церкви необходимо пожелать чтобы возможно скорее был положен конец "монастырским заточениям", -- этой невозможной аномалии, уцелевшей от далекой эпохи инквизиционных гонений, пыток и нетерпимости. В интересах церкви необходимо от всей души пожелать, чтобы монастыри, эти "обители мира, любви и прощения", перестали, наконец, играть роль острогов и тюрем, чтобы с монахов сняты были, наконец, несвойственная их сану мрачные обязанности тюремщиков. Осуществить такое положение тем легче и удобоисполнимее, что это не повлекло бы за собою даже каких-нибудь изменений в нашем уголовном законодательстве, так как в нем, как известно, совсем не встречается никаких правил и даже никаких указаний относительно монастырских тюрем, а также порядка заключения в них. Правда, 5-я статья "Устава о содержащихся под стражею" гласит: "лица гражданского ведомства в некоторых случаях присуждаются к заключению в монастырь. Порядок содержания их там определяется постановлениями церковными". Но, во-первых, очевидно, что здесь говорится о заключении в монастырь по суду, а не по административному усмотрению тех или иных властей; а, во-вторых, выражение "заключение в монастыре" нельзя понимать в смысле заточения в монастырской тюрьме. Ведь ссылка и заключение в монастыри всегда существовали у нас, независимо от заточения в монастырские тюрьмы. Точно так же и теперь лица, ссылаемые или заключаемые в монастыри, помещаются в обыкновенных монастырских кельях и пользуются известной свободой, в то время как лица, обреченные на заключение в монастырской тюрьме, подвергаются всем строгостям и лишениям тюремного режима. В подтверждение этих соображений я мог бы привести множество примеров, когда заключение в монастырь того или другого лица не сопровождалось тюремным заточением. Укажу хотя один случай, имевший место в самое недавнее время. Случай этот касается В. Е. Мельникова, против которого возбуждено было уголовное преследование по ст. 181 ч. 2 уложения о наказании.[39] Дело это тянулось долгое время, при чем Мельников содержался под стражей. Наконец, 27 февраля 1902 года, по докладу г. министра юстиции, состоялось Высочайшее повеление следующего содержания: "не доводя вновь дела мещанина г. Городни Василия Ефимова Мельникова, обвиняемого по ст. 181 ч. 2 уложения о наказ., до судебного разбирательства, уголовное преследование его в судебном порядке дальнейшим производством прекратить, с отменой принятой против него,

по определению Киевской судебной палаты 13 апреля 1901 года меры пересечения ему способов уклоняться от суда-залога 5.000 руб. и 2) вменив ему в наказание долговременное состояние под следствием и судом и содержание под стражей по сему делу, подвергнуть, сверх того, названного Мельникова заключению на один год в один из православных монастырей, по ближайшему распоряжению духовного начальства, с подчинением его засим гласному надзору полиции на пять лет в избранном им месте жительства, кроме столиц и губерний: столичных, Черниговской, Харьковской, а также ближайших к Румынскому королевству -- Бессарабской, Таврической и Херсонской". Переданный в распоряжение духовного начальства, Мельников был заключен в Валаамский монастырь Олонецкой губернии. Здесь он прожил назначенный ему срок заключения в обыкновенной, монастырской келье, без решеток, замков и караульных. Он мог свободно ходить по всему монастырю, но не имел нрава удаляться за ограду монастыря. Сколько нам известно, в Валаамском монастыре даже совсем нет тюрьмы, хотя сюда, как в прежнее время, так и теперь, нередко ссылаются разные лица в "заключение". Мы уже упоминали, что если обратиться к нашим законам с целью найти в них положения, относящаяся до ссылки и заточения в монастырских тюрьмах и условий содержания в них, то наши поиски в этом направлении будут совершенно напрасны. Мало этого, во всем нашем уголовном законодательстве мы вряд ли найдем хотя одно простое упоминание о монастырских тюрьмах. В XIV томе свода законов, как известно, перечислены все места заключения, от арестных помещений до крепостей, но о монастырских тюрьмах там не упоминается ни одним словом. Между прочим в том же томе мы находим даже "положение о Шлиссельбургской тюрьме, назначенной для содержания государственных преступников", но ни о Соловецкой, ни о Суздальской, ни о других монастырских тюрьмах там нет ни одного слова. Хотя в приведенной нами выше 5 статье "Устава содержащихся под стражей" и сказано, что порядок содержания в монастырях лиц гражданского ведомства, заключенных туда, "определяется постановлениями церковными", но, к сожалению, несмотря на все наши старания, нам до сих пор не удалось разыскать этих постановлений. Поэтому мы едва ли ошибемся, если предположим, что упомянутый "постановления" составляют своего рода административный секрет церковного ведомства и не подлежат оглашению. Таким образом и здесь мы опять встречаемся с проявлением все той же нашей искони излюбленной административной системы, которая во что бы то ни стало стремится прикрыть свои действия глубокой, непроницаемой тайной. Выше мы уже отмечали, что подобная система не только не достигает своей цели, а наоборот, всегда способствует возникновению и распространению целой массы самых невозможных, самых невероятных слухов, толков и рассказов, оставляющих далеко позади даже самую печальную действительность. Вообще не подлежит сомнению, что тайна меньше всего может способствовать успеху той упорной борьбы, которая с давних пор ведется русским правительством и церковью с сектантством, расколом -- старообрядчеством и всевозможными разномыслиями, возникающими на религиозно-этической и религиозно -- социальной почве. Ни для кого, конечно, не секрет, что до сих пор эта борьба совершенно не достигала своей цели, не имела никакого успеха и совсем не принесла сколько-нибудь желательных результатов. Главнейшею причиною этой неудачи, несомненно, следует считать именно тот путь репрессий, преследований и стеснений всякого рода, которым почти все время шла эта борьба. В ряду этих репрессий ссылка и заключение в монастырские тюрьмы является наиболее жестокой, наиболее несправедливой и в то же время, как показывает многовековая история монастырских заточений -- совершенно бесполезной мерой. Слишком двадцать лет тому назад в одной из своих статей, в которых мы настаивали на необходимости возможно скорейшего упразднения монастырских тюрем, мы, между прочим, писали: "Будем верить, что все томящиеся теперь в монастырских тюрьмах своеобразные искатели истины и правой веры не будут обречены на медленную, мучительную смерть в своих казематах, не зачахнут, не умрут одиноко среди могильной тишины тюремных келий и не будут доведены до сумасшествия, подобно тысячам своих предшественников. Будем верить, что отныне двери монастырских казематов никогда уже не откроются более для того, чтобы поглотить и схоронить в своих стенах новую жертву, новых "еретиков", вся вина которых обыкновенно состоит лишь в том, что они более горячо, более страстно принимают к сердцу вопросы религии и этики, чем мы, холодные рассудительные люди".[40] К сожалению, жизнь, действительность не оправдали этих -- смеем думать -- вполне законных и скромных надежд. Правда, около того времени, к которому относятся упомянутый статьи, состоялось освобождение нескольких лиц, долгие годы томившихся в монастырских тюрьмах,[41] но, очевидно, это было сделано как бы в виде особого исключения, так как вскоре же на место освобожденных явились новые узники. В этом отношении за последние 20 -- 25 лет особенно печальная роль выпала на долю Суздальской монастырской тюрьмы: в ней с течением времени число заключенных не только не уменьшалось, а наоборот, росло все более. И даже сейчас, если мы не ошибаемся, все казематы Суздальской монастырской тюрьмы заняты заключенными... Поэтому пожелания, высказанные нами почти четверть века назад, и только что приведенные -- и до сих пор сохраняют все свое значение, всю свою остроту и силу. Да, давно, давно пора исчезнуть из жизни этому пережитку средних веков, этому мрачному отголоску далеких времен... [28] "Неделя", 1893 г. N 16. [29] "Неделя", 1893 г. N 6, стран. 507. [30] "Самарские Епархиальные ведомости", 1901 г. N 16. [31] **Примечание цензора иеромонаха Александра.** Если самарское епархиальное начальство дало такую аттестацию Федосеева, то, очевидно, оно имело какие-

либо серьезные основания для таковой аттестации. [32] **Примечание цензора иеромонаха Александра.** За последнее время многие из петербуржцев начинают смотреть на Чурикова уже не с такой большой симпатией, как это было прежде. Причина сей перемены заключается в том, что личность Чурикова все более и более обрисовывается... Повод к этому подает и сам Чуриков своими странными поступками. Напр., на фотографических карточках он изображен с большим крестом на груди, наподобие священнического; в квартире у него бывали какие-то "собрания", где он приходящих "помазывал елеем". Правда, Чуриков говорил, что такое помазание он делает не как священник, а "по братолюбью", но почему же Чуриков свое "братолюбие" проявлял в таких действиях, который являются привилегией только священников?! Есть не мало и других "странностей" в обстановке жизни и действиях Чурикова, -- странностей, весьма способных смутить чувство православного христианина. Желаящих поближе ознакомиться с этими "странностями" отсылаем к майской книжке журнала "Православный Путеводитель" (1904 г.), где находится обстоятельная корреспонденция касательно "брата Иванушки", как обычно именуют Чурикова. Значит, нельзя считать Чурикова абсолютно невинным и в рассуждений тех причин, как я породили его перемещение из Самарской губернии... [33] "С.-Петербургские Ведомости", 1901 г. [34] **Примечание цензора иеромонаха Александра.** В словах автора находится некоторое недоразумение. Наказывают у нас не за взгляды и не за убеждения, а за такое "публичное оказательство" этих взглядов, которое соединяется с тем или иным правонарушением, а посему и подлежит юридическому возмездию наравне со всяким преступлением. Насколько видно даже из самой газеты (С.-Петерб. Ведом. 1901 г.), священник Цветков "претерпел" заключение не за свои личные взгляды и мнения, а за резкое обнаружение этих взглядов (несогласных с нашим законодательством) во вне; само собой понятно, такое обнаружение, если бы оно осталось "без последствий", превратилось бы в удобную почву для роста соблазна. [35] "Религиозные отщепенцы", выпуск 2-й. Сбп. 1904 г. "Белоризцы". [36] "Миссионерское обозрение", 1901г., майская книжка [37] **Примечание цензора иеромонаха Александра.** Во всяком случае, касательно юридического характера преступлений против веры и церкви духовные лица компетентны не менее патентованных юристов из светской интеллигенции. [38] **Примечание цензора иеромонаха Александра.** Административные взыскания применяются не за интимную сторону религиозных убеждений, а за преступления против веры и церкви, говоря иначе, -- когда неправильное религиозное воззрение отражается во вне нарушением законности и порядка. Летописи наших миссионерских журналов и светских газет за последние годы могут представить не мало фактов крупных бесчинств, разгромов и вопиющих насилий, произведенных сектантами над православными. Такие прискорбные инциденты имеют своим корнем не только тьму, объемлющую умы сектантов, но иногда и слабость административных, мероприятий. Господь Иисус Христос не ограничился одним обличением торгующих во храме, но изгнал их из храма бичом, рассыпал деньги у меновщиков и столы их опрокинул (Иоанн. 2, 15). Предсказывая Иерусалиму ужасную катастрофу, которая его постигнет, Он указывал на тесную связь преступления с наказанием. Наказание, имеющее постигнуть Иерусалим, является неизбежным постулатом, вытекающим из его нравственного растления, подобно тому, как на гниющий труп стекаются орлы (Мф. 24, 28), подобно тому, как теплота весенних лучей вызывает расцвет смоковницы и, обратно, по цветущей смоковнице можно судить о наступлении лета (Мф. 24, 32). Всякое безнаказанное преступление пред совестью, этим духовным оком человека, является чем-то ненормальным, тем более следует сказать это о преступлениях, против веры и церкви. Так как разгромы и бесчинства, устрояемые сектантами, возникают часто вследствие слабости административных мероприятий в отношении к прошлой жизни бесчинствующих, то это обстоятельство на представителей власти налагает обязанность заблаговременно пресекать и малейшие попытки сектантов к публичному оказательству своих заблуждений и совращению православных. Предупреждая малое, можно предотвратить и тесно связанное с ним крупное. Во всяком случае, должна существовать какая-либо сдерживающая узда для сектантских поползновений и религиозных шатаний. [39] Мельников обвинялся в том, что он принимал участие в издании газеты "Слово Правды", выходявшей в 1896-1898 гг. за границей, в Румынии. Газета эта, как значится в ее заголовка, была "посвящена защите старообрядчества". [40] "Русская Мысль", 1881 года, N и, стр. 253. Соловецкие узники". [41] Так, из Суздальской монастырской тюрьмы были освобождены старообрядческие епископы: Аркадий, Конон и Геннадий, а из Соловецкой -- известный мистик -- Адриан Пушкин и государственный преступник Матвей Григорьев.